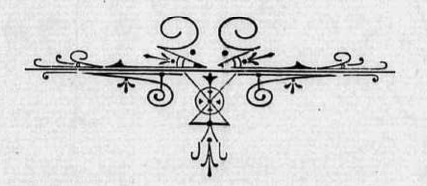
Архимандритъ Сергій.

ПИСЬМА ИЗЪ САРОВА,

13—22 іюля 1903 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная улица, № 6.
1903.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 8-го ноября 1903 г.

Старшій цензоръ, Архимандритъ **Филаретъ**.

Читателямъ.

Авторъ писемъ имѣлъ счастье принимать участіе въ торжествахъ прославленія великаго Угодника земли Русской преподобнаго Серафима, Саровскаго Чудотворца... Многіе очень интересуются всѣмъ, что было въ Саровѣ въ эти святые дни и просятъ, даже письмами, повѣдать имъ обо всемъ... Чувствую я и самъ нѣкоторый долгъ предъ многими: видѣлъ я то, чего многіе не видѣли и обязанъ все, мною пережитое передать для славы Божіей и Его великаго Угодника...

Писать нарочитыя воспоминанія,—потребовалось бы и времени не мало, да въ нихъ не могло бы быть ни той живости, ни той точности, которая могла бы быть при иныхъ условіяхъ въ такихъ воспоминаніяхъ...

Поэтому я и рѣшился предать тисненію то, что не предназначалось для тисненія: написанныя мною изъ Сарова письма въ Валдай, одному моему товарищу-сослуживцу... Позволялъ я себѣ лишь, предавая письма тисненію, кой-что (весьма немногое) выпустить, какъ слишкомъ частное; а равно кой-что и прибавить.

Само собой разумѣется, что на напечатаніе писемъ имѣется согласіе настоящаго ихъ собственника.

Если предлагаемыя письма хотя отчасти представятъ читателю то, чѣмъ жили сотни тысячъ русскаго народа въ Саровѣ въ дни торжествъ іюльскихъ,—моя совѣсть была бы спокойна: долгъ свой я тогда выполнилъ.

Архимандритъ Сергій.

1903. Іюля 13.
Саровъ.

Дорогой мой В.... А...ъ!

Прошелъ уже одинъ день моего пребыванія въ Саровѣ, въ томъ Саровѣ, о которомъ я такъ давно думалъ, въ который душей такъ давно рвался... Спѣшу дѣлиться съ тобою всѣмъ, что переживаетъ сердце, чѣмъ волнуется умъ, чѣмъ вообще живу въ эти историческія минуты. Не посѣтуй, если иногда я буду нѣсколько подробенъ, но мнѣ кажется, что даже мелочи изъ Сарова въ эти святые дни—далеко уже не мелочи.

Въ Арзамасъ пріѣхалъ я въ 8 час. 20 мин. утра. На вокзалѣ не найти было даже легкового извощика: дополнительный поѣздъ, привезшій насъ, въ Арзамасъ пришелъ въ первый разъ и извощики о немъ не знали. Кое-какъ добрались мы до почтовой станціи. И здѣсь ждала насъ съ М... неудача. Оказывается, что почтовыхъ лошадей разрѣшено давать лишь лицамъ оффиціальнымъ, получившимъ на то особое свидѣтельство или отъ г. Нижегородскаго губернатора, или отъ г. Арзамасскаго исправника. А у меня, кромѣ проѣздного билета, подписаннаго тобой, ничего въ рукахъ не было. Можно было обратиться за частными лошадьми, но за нихъ просятъ по 18—20—25 рубл. за пару... По совѣту

Само собой разумѣется, что на напечатаніе писемъ имѣется согласіе настоящаго ихъ собственника.

Если предлагаемыя письма хотя отчасти представятъ читателю то, чѣмъ жили сотни тысячъ русскаго народа въ Саровѣ въ дни торжествъ іюльскихъ,—моя совѣсть была бы спокойна: долгъ свой я тогда выполнилъ.

Архимандритъ Сергій.

1903. Іюля 13.
Саровъ.

Дорогой мой В.... А...ъ!

Прошелъ уже одинъ день моего пребыванія въ Саровѣ, въ томъ Саровѣ, о которомъ я такъ давно думалъ, въ который душей такъ давно рвался... Спѣшу дѣлиться съ тобою всѣмъ, что переживаетъ сердце, чѣмъ волнуется умъ, чѣмъ вообще живу въ эти историческія минуты. Не посѣтуй, если иногда я буду нѣсколько подробенъ, но мнѣ кажется, что даже мелочи изъ Сарова въ эти святые дни—далеко уже не мелочи.

Въ Арзамасъ пріѣхалъ я въ 8 час. 20 мин. утра. На вокзалѣ не найти было даже легкового извощика: дополнительный поѣздъ, привезшій насъ, въ Арзамасъ пришелъ въ первый разъ и извощики о немъ не знали. Кое-какъ добрались мы до почтовой станціи. И здѣсь ждала насъ съ М... неудача. Оказывается, что почтовыхъ лошадей разрѣшено давать лишь лицамъ оффиціальнымъ, получившимъ на то особое свидѣтельство или отъ г. Нижегородскаго губернатора, или отъ г. Арзамасскаго исправника. А у меня, кромѣ проѣздного билета, подписаннаго тобой, ничего въ рукахъ не было. Можно было обратиться за частными лошадьми, но за нихъ просятъ по 18—20—25 рубл. за пару... По совѣту

добрыхъ людей, безъ всякой почти надежды на удачу, направился я къ г. исправнику, у котораго встрѣтилъ ласковый пріемъ. Спасибо ему: посмотрѣвъ мой билетъ, онъ сразу же, безъ всякой съ моей стороны просьбы, выдалъ мнѣ свидѣтельство на право пользованія на ст. Арзамасъ, Орѣховецъ, Глухово и Вертьяново тройкой лошадей. Иначе тогда заговорили со мной и на станціи, и мы въ 12 час. дня выѣхали изъ Арзамаса въ Св. Обитель Саровскую.

Лошади намъ даны были какъ въ Арзамасѣ, такъ и на другихъ станціяхъ, прекрасныя, экипажи-тарантасы и коляски—удобные, просторные. Въ нашей Новгородіи я такъ не ѣзжалъ... Впрочемъ, и здѣсь навѣрно не всегда все такъ было хорошо. Лишь на время торжествъ открыты почтовыя станціи, мною названныя; сданы они съ торговъ и на нихъ въ ожиданіи усиленнаго движенія дѣйствительно поставлены лошади и экипажи безукоризненные.

Мѣстность отъ Арзамаса до самаго Глухова—гладкая равнина, засѣваемая хлѣбомъ. Рожь вездѣ уже убрана (а у насъ только еще начинаютъ жать!), яровыхъ почти не родилось по случаю бездождія — говорятъ—съ Троицы, травъ вовсе нѣтъ. Всюду страшная пыль. Горизонтъ—громадный, но невеселый, слишкомъ однообразный. Во всю дорогу—ни рѣчки, ни ручейка, ни деревца... Боюсь сказать „ни кустика“, такъ-какъ (кто знаетъ!) быть можетъ гдѣ нибудь въ овражкѣ кустикъ-другой и притаился. Изъ Глухова въ Вертьяново (Дивѣево) мы не поѣхали, а взяли прямо на Саровъ, чѣмъ нѣсколько сократили и дорогу. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Сарову, тѣмъ болѣе стало появляться

деревьевъ; господствуютъ сосны, дубы, на общемъ такъ-сказать фонѣ изъ березы и липы. Вблизи Сарова, версты за 3—4 до него, начинается лѣсъ громаднѣйшій, исключительно сосновый. При всемъ своемъ пристрастіи къ нашимъ И—мъ островамъ, я полагаю, что Саровскій лѣсъ и выше, и безусловно красивѣе.

Вся дорога отъ Арзамаса до Сарова — грунтовая, большая. Въ нашихъ краяхъ такихъ дорогъ не встрѣчается: оставлена незапаханною полоса земли саженъ, мнѣ кажется, въ 40—50, и по ней колесами надѣлано дорогъ столько, сколько въ ширину дороги можетъ установиться телѣгъ. Просторъ! Гдѣ хочешь, тамъ и ѣдешь! Во все время приходилось наблюдать, съ какимъ чувствомъ ожидаютъ здѣсь проѣзда Высочайшихъ Особъ. Отъ Арзамаса до Орѣховца путь Царскій уже готовъ: колея или двѣ на дорогѣ выравнены и заставлены на время рогатками (чтобы проѣзжіе не размѣсили колесами дорогу въ пыль). На другихъ перегонахъ дорогу только еще равняютъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто рогатокъ, дорогу обставляютъ по сторонамъ маленькими дубовыми вѣточками; ближе къ Сарову на дорогу насыпаютъ опилки, задерживающіе нѣсколько пыль. Въ разныхъ мѣстахъ, и въ деревняхъ, и даже на поляхъ воздвигаются безыскусственныя, но милыя именно простотою своею арки... Особенно меня поразила одна арка — съ иконой Св. Николая Чудотворца на верху.

Отъ Арзамаса до обители—телеграфъ и телефонъ. На каждомъ перекресткѣ предусмотрительно сдѣланы надписи съ указующимъ перстомъ: „въ Саровъ“, „въ Дивѣево“ и т. д. Въ Арзамасѣ, да кой-гдѣ и по до-

рогѣ есть бараки для ночлега богомольцевъ, правда слишкомъ примитивнаго устройства: крыши на столбахъ, въ родѣ нашихъ дровяниковъ... Въ баракахъ понадѣлана масса скамей для спанья богомольцевъ. Есть по пути спеціально на эти торжества выкопанные колодцы. Есть даже печи съ кубами, гдѣ богомольцы могутъ раздобыться кипяткомъ. Словомъ, видно, что объ удобствахъ передвиженія простого богомольца позаботились много.

Отъ Арзамаса до Орѣховца (21 в.), саженей чрезъ 50—или московскій казакъ на конѣ, или солдатъ-фанагоріецъ съ ружьемъ. Расположились они на полосахъ отъ дороги саж. на 15—20. Чувствуютъ себя повидимому пока прекрасно: нерѣдко видишь казака лежащимъ благодушно на полосѣ, а лошадь—треплетъ его шаровары; чаще встрѣтишь солдата подъ снопомъ съ трубкой... Восхитился я, увидѣвъ этихъ же солдатъ на гумнѣ: помогаютъ бабамъ молотить!... Выражаясь „высокимъ стилемъ"—это „охрана"... Впрочемъ придетъ время,—подтянутся! На другихъ перегонахъ солдатъ еще мало. Стоятъ солдаты лагеремъ и у Дивѣева, и у Сарова.

Къ Сарову мы начали приближаться въ 7-мъ часу вечера. Чудная погода. Ясное солнце. Легкій вѣтерокъ. Во все время пути мы обгоняли богомольцевъ партіями въ 15—20—25 человѣкъ. Идутъ и старые, и малые, идутъ и мущины и женщины, и здоровые и больные. Обычная картина: выстраиваются всѣ гуськомъ, подаютъ другъ другу свои дорожные посошки-палочки и плетутся къ Обители такою цѣпью. Приходилось встрѣчаться съ трогательными сценами. Завидѣвъ нашу тройку,

какая-нибудь старушка издали еще становится на колѣни и начинаетъ молиться: проситъ подаянія... Вѣроятно идетъ за тысячи верстъ, не имѣя гроша за душей, съ большимъ запасомъ только вѣры въ Бога, да съ неистощимымъ запасомъ своего горя — горькаго...

Чѣмъ ближе къ Сарову, тѣмъ сильнѣе билось сердце. Затрудняюсь себѣ дать отчетъ почему, но я сильно въ это время волновался. „Вотъ, батюшка, направо колокольня Дивѣева монастыря",—говоритъ ямщикъ... Да,—вотъ монастырь, который былъ такъ близокъ сердцу великаго старца... Вотъ мы ѣдемъ по дорогѣ... А кто знаетъ, не плелся ли когда нибудь по этой же дорогѣ согбенный старецъ, а за плечами у него сумочка съ евангеліемъ?.... И каждый богомолецъ, котораго мы обгоняли, живо напоминалъ мнѣ старца въ бѣломъ балахонѣ, нѣкогда здѣсь подвизавшагося...

Ѣдемъ по лѣсу... 2 версты, 1 верста.... Волнуемся все сильнѣе и сильнѣе. „Вотъ, батюшка, въ просѣку направо будетъ на секунду виденъ монастырь"... — Монастырь дѣйствительно мелькнулъ и исчезъ... Наконецъ мы изъ лѣса выѣхали и оказались почти у самаго монастыря, только внизу, подъ горой. Невольно снялась шляпа и рука сложилась для крестнаго знамени.

Къ Сарову подъѣхали по нашему времени около 6 час., а по мѣстному около 7 час. вечера. Немалыхъ хлопотъ стоило отыскать мнѣ свое помѣщеніе. Спрашиваю одного послушника, — „я при гостиницѣ и ничего не знаю"; спрашиваю другого, — „это вамъ укажетъ о. Василій"; но гдѣ о. Василій, — мнѣ такъ же мало извѣстно, какъ и то, гдѣ моя комнатка... Наконецъ то отведенное мнѣ помѣщеніе было мнѣ указано

и открыто. Получилъ то, чего не ожидалъ. Ужъ слишкомъ хорошо и удобно! Комната при самыхъ воротахъ, въ два окна, съ видомъ въ монастырь, на соборы. Въ комнатѣ койка мнѣ и моему спутнику, столъ, два кресла, умывальникъ... Полы, стѣны, окна,—все заново отдѣлано. Бѣлье чистое, новое, всюду поразительная чистота.

Прiѣхалъ я въ монастырь въ то время, когда надъ моей квартирой вверху началась служба: въ больничной церкви, обращенной временно какъ бы въ крестовую служили всенощное (мои сосѣди по корпусу, только въ верхнемъ этажѣ, всѣ присутствующiе въ Саровѣ Владыки и о. Намѣстникъ нашей Лавры, мой сосѣдъ и по этажу — В. К. С—ъ).—Наскоро мы омыли дорожную пыль, а ея было видимо-невидимо!.. И я поспѣшилъ въ больничную церковь, кажется,—во имя вел.-муч. Пантелеймона, ко всенощной. Пѣли пѣвчiе тамбовскiе. Мнѣ очень понравилось. Встрѣтился въ церкви съ о. Намѣстникомъ и о. архидiакономъ. Во время перваго часа представился своему Владыкѣ (онъ прiѣхалъ на часъ-другой пораньше меня), взялъ благословенiе у находившихся въ алтарѣ Высокопреосвященнаго Архiепископа Казанскаго Димитрiя и Преосвященнаго Тамбовскаго Иннокентiя.

Сразу же послѣ службы къ величайшему удовольствiю своему я узналъ, что можно выкупаться съ удобствомъ въ купальнѣ на р. Сатисъ (монастырь расположенъ при слiянiи р. Сатиса съ рѣч. Саровкой). Къ сожалѣнiю въ купальнѣ оказалось слишкомъ глубоко, а я усталый съ дороги, да еще въ новомъ, незнакомомъ мѣстѣ не осмѣлился плавать. Тѣмъ не менѣе выкупался и совершенно ожилъ. Вспомнилъ свой Валдай... Купанье

хорошее, но вода несравненно теплѣе нашей валдайской. Вода чистая, что меня удивило... Бѣгаютъ въ ней мелкiя рыбешки.

У монастыря жизнь бьетъ сильнымъ ключемъ: всюду народъ, народъ и народъ! Въ воздухѣ стоитъ постоянный гулъ, жужжанье какое то отъ массы народа. Одни спѣшатъ въ монастырь, другiе выходятъ изъ монастыря вѣроятно на ночлегъ. Наибольшее скопленiе народа наблюдать приходится около церкви св. Зосимы и Савватiя, въ которой временно поставлены святыя мощи (церковь закрыта на ключъ и никого туда не пускаютъ), около могилки, въ которой почивалъ Преподобный, у его кельи и въ Успенскомъ соборѣ.

А скопько поучительнаго приходится видѣть! Вышелъ я изъ тарантаса. Отыскалъ кое-какъ свою келью. Иду въ монастырь... Въ церкви надъ воротами поютъ, помню, „Свѣте тихiй", нотное... А на улицѣ море народное... Всѣ безъ шапокъ, всѣ молитвенно настроены... Многiе на колѣняхъ... Развѣ можно самому не заразиться общимъ настроенiемъ и не помолиться?.. Съ простымъ мужичкомъ, съ убогой старушенкой, смотрю, стоитъ рядомъ и сенаторъ... Всѣ въ обители у св. Угодника сравнялись, объединившись въ одномъ: въ глубокой вѣрѣ въ него, въ беззавѣтной любви къ нему...

Но вотъ загудѣлъ большой Саровскiй колоколъ... Народная лавина устремляется въ Успенскiй соборъ ко всенощному бдѣнiю, къ Саровскому всенощному бдѣнiю... Вотъ,—служба не Аѳонская, правда, но зато Саровская: начавшись въ $7^1/_2$ час. веч. всенощное у саровцевъ обычно кончается въ 1 часъ ночи.

Не смотря на дорожное утомленіе спать я не могъ... Въ мою келью постоянно доносился шумъ отъ богомольцевъ... Это непрестанное шарканье сапоговъ: видимо, усталые богомольцы не столько ходили, сколько волочили ноги!.. Неизбѣжный гулъ, жужжанье!.. Прибавь сюда часы на колокольнѣ, которые динькаютъ чрезъ каждыя пять минутъ... Съ непривычки все это только трепало меня и я уже за полуночь вышелъ за монастырь на Сатисъ...

Со мной былъ Миша... Всюду движущіеся богомольцы... Въ разныхъ мѣстахъ подъ горой и около лѣса костерки... Откуда то доносится стройное пѣніе... Прислушиваемся,—пѣніе церковное... Замираетъ дыханіе... Начинаютъ явственно доноситься среди ночи чудные звуки пѣсни „Со святыми упокой"... Это духовенство тамбовское не знаетъ и ночного покоя, удовлетворяетъ народную нужду... Это оно служитъ и по ночамъ по Преподобномъ панихиды!...

Впрочемъ, время мнѣ отойти ко сну. Продолжу письмо завтра. А пока, милый мой, прощай. Мои молитвы всегда о тебѣ и дорогой молодежи.

11 час. веч.

1903. Іюля 14.
Саровъ.

Дорогой мой В. . . . . А. . . . ъ!

Сейчасъ $6^1/_2$ час. утра. Не сплю часовъ съ 4: я уже писалъ, что мои окна выходятъ въ монастырь, а въ немъ давно уже кипитъ жизнь: тотъ же гулъ, глухой

говоръ, напоминающій жужжанье... Въ ожиданіи утренняго чая сажусь продолжить вчерашнее письмо.

Монастырь оффиціально называется „пустынью".. Но въ настоящее время ему приличнѣе было бы именоваться *лаврой*: такъ онъ великолѣпенъ! Впрочемъ мы постоянно невольно ошибаемся и бесѣдуя другъ съ другомъ „идемъ въ лавру", „живемъ въ лаврѣ!" Надъ всей обителью царитъ громаднѣйшая колокольня съ великимъ, чрезвычайно оригинальнымъ звономъ. На колокольнѣ башенные часы, отбивающіе даже 5 минутъ. Четверть часа — отбивается гамма въ восходящемъ и нисходящемъ порядкѣ, въ полчаса — она же два раза, въ три четверти—три раза, въ часъ — четыре раза и затѣмъ отбой часовъ. Церквей въ обители много и снаружи онѣ очень хороши. Прямо предо мной красуется соборный храмъ Успенскій, съ пятью золочеными главами. Предъ нимъ постоянныя толпы народа: одни входятъ, другіе выходятъ. Въ этомъ соборѣ спѣшно заканчивается установкой сѣнь надъ ракой для св. мощей преподобнаго Серафима. На юго-восточномъ углу собора находится могила, въ которой лежалъ столько лѣтъ преподобный старецъ. Лѣвѣе этого собора и ближе къ моимъ окнамъ другой соборный храмъ Живоноснаго Источника... Вѣнчается онъ пятью громадными золотыми главами... Если сравнить соборы, то кажется, что первый какъ-то подтянулся и устремился къ небесамъ, а второй напротивъ порасплылся въ ширь... Еще лѣвѣе этого собора, въ линіи монастырскихъ корпусовъ находится церковь преп. Зосимы и Савватія... Когда то въ ней, какъ въ больничной, любилъ молиться преподобный, а теперь временно установлены въ ней

его святыя мощи. За Успенскимъ соборомъ направо на общемъ бѣлоснѣжномъ фонѣ рѣзко выдѣляется своею окраской новоотстроенный храмъ Живоначальной Тройцы. Находится онъ тоже въ линіи монастырскихъ корпусовъ. Въ свои стѣны онъ заключилъ бывшую келью преподобнаго. Пока еще внутри отдѣланъ временно. Говорятъ, что освятятъ его въ честь преподобнаго. Изъ другихъ церквей красива церковь на источникѣ у сѣверо-восточнаго угла монастыря въ честь св. Іоанна Предтечи, подъ ней пещерная церковь въ честь преподобныхъ пещерныхъ кіевскихъ. Прибавь сюда еще церковь кладбищенскую во имя Всѣхъ Святыхъ, церковь Преображенскую, церковь у воротъ; и ты представишь себѣ, какъ богата соборами и церквами Обитель Саровская...

Къ своему великому празднику обитель сдѣлалась неузнаваемою. Уже при въѣздѣ изъ лѣса къ монастырю красуется на такъ называемомъ „Лобномъ мѣстѣ" часовня. Въ ней сейчасъ для народа служатъ панихиды по преподобномъ, а потомъ будутъ служить молебны. Лѣвѣе часовни, тамъ же, въ лѣсу видны двухъ-этажные деревянные дома (два),—это дворцы для ожидаемыхъ сюда Великихъ Князей. На площадкѣ предъ монастыремъ дворянство воздвигаетъ роскошный шатеръ для пріема Ихъ Величествъ. Всѣ дома предъ монастыремъ, и направо, и налѣво, если смотрѣть на него, заняты гостиницами. Здѣсь же помѣщается канцелярія Тамбовскаго Губернатора (а самъ онъ живетъ тамъ же, гдѣ и я, только окнами за монастырь); здѣсь же и Почтово-телеграфное Отдѣленіе. По южной сторонѣ монастыря устроены роскошные спуски съ горы, съ надежными

перилами, а подъ горой за р. Саровкой цѣлый рядъ гостиницъ... Знаю пока, что здѣсь помѣщаются монахини разныхъ монастырей, здѣсь въ особомъ баракѣ, почему-то не бревенчатомъ—пѣвчіе тамбовскіе и наши. На востокъ отъ монастыря въ особомъ корпусѣ, кажется въ помѣщеніи школы, расположились съѣхавшіеся земскіе начальники. Вблизи же монастыря — расположился московскій кухмистеръ, которому на время торжествъ сдано питаніе насельниковъ монастырскихъ гостиницъ и даже нѣкоторыхъ насельниковъ монастыря (напр. насъ). Въ монастырѣ телефонъ... Ну, думалъ ли когда-нибудь Саровъ, что онъ будетъ потревоженъ телефонными звонками, и что изъ него будутъ переговариваться и съ Дивѣевомъ и съ Арзамасомъ! Помѣщенія собственно для богомольцевъ устроены вдали отъ монастыря, версты за три—четыре отъ него. Представь всѣ эти сооруженія и получится въ настоящее время въ Саровѣ настоящій городокъ... Впрочемъ, мѣсто, гдѣ устроены бараки для народа, и называется „народнымъ городкомъ".

Для Государя съ Государыней Императрицей отдѣланы скромные настоятельскія кельи. Для Вдовствующей Императрицы приготовлены такъ называемыя архіерейскія комнаты, богатыя тоже своею скудостію. Пріѣздъ Высокихъ гостей ожидается числа 17.

Пріѣхалъ я въ Саровъ вечеромъ. Пока шла всенощная, пока — ужинъ, потомъ купанье,—уже стемнилось и я Сарова въ субботу, день пріѣзда, не видалъ. А вчера съ самаго утра и до 4 час. дня меня тоже не было въ Саровѣ: я служилъ съ Высокопреосвященнымъ нашимъ Митрополитомъ въ Серафимо-Дивѣевомъ

монастырѣ. Раннимъ утромъ, въ $6^1/_2$ час., выѣхалъ я на монастырскихъ лошадяхъ вмѣстѣ съ о. Намѣстникомъ нашей лавры. Ѣхать приходится верстъ 14. Дорога до д. Балыкова—прежняя, Саровскимъ лѣсомъ, а потомъ исключительно полями и песками. Пыль невозможная. По всей дорогѣ приходилось и встрѣчать и обгонять богомольцевъ... Да! Вѣдь по этой же дорогѣ безъ сомнѣнія когда-то ходилъ къ своимъ „сироткамъ", дивѣевскимъ инокинямъ, ихъ духовный отецъ-устроитель, преподобный старецъ... Въ Дивѣево пріѣхали въ 8 час. утра и прежде всего постарались умыться. Ровно 9 час. утра прибылъ нашъ Владыка. Соборъ въ Дивѣевѣ прекрасенъ и снаружи, и внутри. Всюду образцовая чистота, чѣмъ впрочемъ могутъ всегда похвалиться, въ противоположность мужскимъ, всѣ женскія обители. Церкви и колокольня—каменныя. Корпуса для сестеръ деревянные.

Литургію служилъ Владыка-Митрополитъ, Преосвященные—Назарій Нижегородскій и Иннокентій Тамбовскій. Первый потому, что Дивѣево въ его епархіи, послѣдній, какъ сосѣдъ (граница тамбовской епархіи верстахъ въ 3 отъ Сарова). Изъ о.о. архимандритовъ сослужили Владыкамъ о. Намѣстникъ, я, тамбовскій ректоръ о. Нафанаилъ, арзамасскій о. архим. Адріанъ, наши лаврскіе о. Гедеонъ и о. Макарій. Служба прошла прекрасно. Пѣли Дивѣевскія монашки не особенно замысловатыя пѣснопѣнія, но очень хорошо. Жара въ церкви отъ массы народа была невыносимая. А народу было очень много. Вѣдь однихъ монашекъ въ Обители около 1.000 (говорятъ 960). Владыка послѣ Литургіи началъ благословлять народъ. Благословлялъ около

часа. И навѣрное долго бы не было конца благословенію, если бы не догадались задержать народъ, стоявшій на улицѣ и тоже спѣшившій подъ благословеніе. Среди богомольцевъ, конечно, много больныхъ, которыхъ привела сюда вѣра въ Угодника да жажда исцѣленія. И трогательно было наблюдать подходившій подъ благословеніе народъ. Вотъ, какъ сейчасъ стоитъ предо мною одинъ мужичекъ, больной глазами... Подходитъ и онъ подъ благословеніе. Вдругъ съ рыданіями кричитъ: „Батюшка, исцѣли мои глаза. Антоній батюшка, помоги мнѣ, я несчастенъ, исцѣли мои глаза"... Этотъ простецъ не знаетъ никакихъ этикетовъ, но знаетъ, что много можетъ молитва пастыря... И проситъ помощи. И какъ бы хотѣлось, чтобы сей простецъ получилъ по вѣрѣ своей! Да...—Сколько здѣсь наблюдать приходится страждущихъ, ожидающихъ не людской, а небесной помощи!..

И получаютъ они, съ вѣрою сюда пришедшіе, по вѣрѣ своей просимое. На глазахъ народа разслабленные встаютъ и ходятъ, хромые бросаютъ костыли... Особенно, говорятъ, трогательныя картины случается наблюдать на источникѣ преп. Серафима, куда я собираюсь скоро сходить. Есть же еще, В . . . А . . . ъ, вѣра въ простомъ народѣ! Близокъ еще онъ къ Богу! И Богъ близокъ къ нему... А мы „ученые", или вѣрнѣе „поучившіеся"... Вотъ и ходишь доселѣ съ пластырями... Впрочемъ, глубоко вѣрю, что не безъ Господа и я сталъ на ноги къ Саровской поѣздкѣ... Но продолжаю...

Послѣ обѣдни въ Дивѣевѣ всѣ зашли къ Матушкѣ Игуменьѣ... Здѣсь я встрѣтилъ немало петербургскихъ

знакомыхъ. Были здѣсь графъ и графиня Г.., Е. Ѳ. М., Р—ъ и др. Матушка Марія—замѣчательная старушка!.. Прежде всего,—ей „только 86 лѣтъ"... Года почтенные. Потомъ,—она уже настоятельствуетъ что-то около 50 лѣтъ... На лицѣ у ней—одна доброта. Такъ мило и добродушно улыбается! И однако, какъ, говорятъ, правитъ она своею обителью съ ея громаднымъ хозяйствомъ! (напр. коровъ до 700 штукъ). Достаточно, чтобы она сказала провинившейся сестрѣ „какъ тебѣ не стыдно", — и та уже наказана и вразумлена!.. Впрочемъ, — у нихъ въ Обители цѣлая система управленія, съ подчиненными, соподчиненными и т. д... У матушки послѣ чая пообѣдали.

Къ сожалѣнію время не позволяло осмотрѣть монастырь въ подробностяхъ, но все таки кой-что я видѣлъ. Непосредственно послѣ обѣда всѣ мы, во главѣ съ нашимъ Владыкой, отправились осматривать пустыньки. Были поданы лошади, и поѣздъ получился оригинальный. На передней коляскѣ-одиночкѣ ѣхалъ нашъ Владыка съ Преосвященнымъ Нижегородскимъ. На слѣдующей линейкѣ „длиннухѣ" расположились спинами другъ къ другу Преосвященный тамбовскій, о. Намѣстникъ и я. Другіе—еще на слѣдующихъ экипажахъ. Просто и мило! Для Владыки трезвонили.

Пріѣхали въ дальнюю пустыньку, расположенную собственно въ самомъ монастырѣ... Въ настоящее время эта пустынька (т. е. келійка лѣсная, въ которой въ свое время спасался въ Саровскомъ лѣсу Преподобный) заключена въ небольшую церковь, для которой служитъ алтаремъ. Она то и есть „подлинная" пустынька Преподобнаго. Прежде находилась въ Саровскомъ лѣсу, но любовь Дивѣевскихъ монахинь перенесла ее сюда и бережно хранила и хранитъ. То же самое—и ближняя пустынька. Саровцы же значительно позднѣе срубили подражаніе отъ нихъ же увезеннымъ пустынькамъ. Въ дальней пустынькѣ въ двухъ, недавно сооруженныхъ витринахъ, хранятся оставшіеся отъ преподобнаго—тулупъ, лапти съ оборами, сапоги, кожаные мокроступы, въ какихъ обыкновенно рисуютъ его съ палочкой въ рукахъ, идущимъ по лѣсу, топоръ, чулки, шапки и пр. Пустынька-избушка небольшая, съ маленькими окнами, срубленная изъ хорошаго лѣса. Углы ея защищены отъ усердныхъ богомольцевъ тѣмъ, что ихъ обили кожей. Церковь эта къ праздникамъ находилась въ ремонтѣ, и мы поэтому въ ней находились и не особенно долго, и осторожно... Около дальней пустыньки — и ближняя пустынька, стоявшая прежде въ Саровскомъ лѣсу, у источника. Въ этой пустынькѣ, по завѣщанію Преподобнаго читается „неугасимый" псалтирь. Здѣсь хранится большая часть того камня, на которомъ Преподобный молился въ Саровскомъ лѣсу 1.000 ночей. Очень насъ всѣхъ заинтересовали находящіеся здѣсь портреты Преподобнаго: одинъ снятъ съ него при его жизни, другой—съ него, лежащаго въ гробу... Оба портрета замѣчательны тѣмъ, что нѣсколько расходятся съ обычными изображеніями Преподобнаго (въ цвѣтѣ волосъ) и совершенно согласны съ тѣмъ, что найдено во гробѣ: волоса не бѣлаго цвѣта, а немного рыжеватые. Епитрахиль на портретѣ и цвѣта, и формы точно такихъ же, что найдено въ гробу. Въ ближней пустынькѣ по завѣщанію Преподобнаго раздаютъ сухарики изъ хлѣба

чернаго и бѣлаго. Получили такихъ сухариковъ и мы. Еще разъ напившись у Матушки чаю, мы направились въ обратный путь и къ 4 час. веч. пріѣхали въ гостепріимный Саровъ.

Мое общее впечатлѣніе отъ Дивѣева: очень тамъ любятъ Преподобнаго! Эта любовь проглядываетъ въ каждомъ словѣ сестры, въ каждомъ поступкѣ любой монашки... Не говорю уже о томъ, что все, что есть дорогого отъ Преподобнаго, хранится какъ святыня въ Дивѣевѣ; — что здѣсь, какъ святой на вѣки завѣтъ хранятся въ алтарѣ, въ рамкѣ, его наставленія сестрамъ... Нѣтъ, — здѣсь даже такія вещи, какъ скопленіе народа, служеніе Владыкъ, съ полной и искренней вѣрой приписывается Преподобному. И любитъ несомѣнно Преподобный полюбившую его обитель и обитель процвѣтаетъ. А сколько любви вложено у Дивѣевскихъ монахинь въ тѣ изображенія Преподобнаго, которыя имѣются въ Обители, и которыя написаны, конечно, самими сестрами!..

Теперь прощай до вечера. Ничего не имѣю, если мои письма сдѣлаешь достояніемъ и братіи, которой отъ меня горячій привѣтъ.

8 час. утра.

1903. Іюля 15.
Саровъ.

Дорогой мой В... А... ъ!

Думалъ было еще вчера вечеромъ побесѣдовать съ тобой. Но день меня такъ утомилъ, что вечеромъ положительно было не до пера.

Вчера, въ понедѣльникъ мы посѣтили рѣшительно все, что нужно было посѣтить въ Саровѣ. Раннимъ утромъ, напившись чаю, мы отправились пѣшкомъ на источникъ преп. Серафима, эту саровскую Виѳезду, только постоянно дѣйствующую. Источникъ находится отъ монастыря верстахъ въ двухъ. Существовалъ онъ еще и до Преподобнаго, послужилъ нуждамъ преподобнаго, когда тотъ жилъ въ ближней пустынькѣ. По преданію, Преподобный молился, что бы Господь далъ водѣ этого источника силу цѣлебную. Въ настоящее время источникъ — грунтовый ключъ — заключенъ въ шестигранный срубъ, изъ котораго скопляющаяся вода и стекаетъ въ р. Саровку чрезъ трубу. Надъ источникомъ устроена прекрасная часовня, въ которой богомольцы совершаютъ свои моленія. Труба по пути въ рѣчку перехвачена въ особомъ помѣщеніи—купальнѣ. Сдѣланы въ трубѣ краны и всѣ желающіе имѣютъ возможность стать подъ струю воды изъ источника, или, какъ принято выражаться, „выкупаться въ источникѣ". Купальня особо для мущинъ, особо для женщинъ. Вода въ источникѣ — холодная, всего въ ней 4 градуса по Р.

Выйдя изъ монастыря въ св. ворота, мы направились на югъ отъ него, спустившись съ горы за рѣчку Саровку. Дорога все время и идетъ вдоль рѣчки. Если идти изъ монастыря къ источнику, то лѣвый берегъ рѣки всюду высокій, обрывистый, сплошь покрытъ вѣковыми соснами. Для того, чтобы устроить дорогу, часть обрывовъ срѣзали... Дорога получилась широкая, просторная, только по обычаю пыльная. Во многихъ мѣстахъ по дорогѣ бьютъ родники. Правый берегъ —

болѣе ровный, встрѣчаются поженки, но больше лѣсъ. Во избѣжаніе пыли направились мы безъ дороги по правому берегу. Спутниками нашими были о. намѣстнихъ и о. архидіаконъ. Дорога туда прошла незамѣтно. За рѣчкой толпами валитъ народъ. Нѣкоторые, очевидно, съ больными, ѣдутъ на телѣгахъ. У каждаго креста, у каждой иконки всѣ останавливаются, набожно молятся... Въ разныхъ мѣстахъ неизбѣжные нищіе, калѣки и убогіе. Нѣкоторые распѣваютъ духовные стихи. Другіе поминаютъ родителей... Бѣгаютъ и ребятишки-нищіе... До самаго источника устроенъ телефонъ. Вотъ издали показалась часовенка источника. Около нея перекинутый чрезъ Саровку мостикъ. И у часовеньки, и по спускамъ берега, и на мостикѣ—всюду народъ и народъ. Въ самую часовню съ трудомъ можно протискаться, да и то помогаетъ много ряса. Въ сторонѣ устроены лари, на которыхъ продаютъ специально изготовленныя къ торжествамъ бутылки съ надписью „вода изъ источника преп. Серафима Саровскаго"...

Первое впечатлѣніе сильное, головокружительное... Толпа настроена въ высшей степени религіозно... Молятся всѣ истово. Изъ разныхъ концовъ доносятся то крики, то стоны больныхъ... Нѣтъ-нѣтъ, да и закричитъ не своимъ голосомъ какая-нибудь одержимая. Изъ купальни доносятся то испуганные охи, то плачъ... Среди всего этого рѣзко выдѣляется звонъ наливаемой посуды... Прибавь сюда радость нескрываемую получившихъ благодатную помощь, изъ устъ въ уста передаваемые разсказы объ исцѣленіяхъ... Да,—не скоро придется когда-нибудь переживать то же, что мы переживали здѣсь, на источникѣ.

Мы прежде всего, такъ какъ это было по пути, купили бутылокъ для воды изъ источника. Хотя мы были не въ рясахъ, а въ подрясникахъ, тѣмъ не менѣе благочестивые поклонники разступились предъ нами и сверхъ ожиданія мы скоро оказались въ часовнѣ надъ источникомъ. Часовня хорошо украшена иконами и картинами. Въ ней постоянное дежурство священниковъ, непрестанно служащихъ молебны. Помолились и мы... Вспоминалъ я очень моего болящаго студента... Дай-то Богъ и св. Угодникъ ему здоровья! Изъ часовни прошли въ купальню, находящуюся рядомъ. При входѣ въ нее стоитъ солдатъ-фанагоріецъ. Намъ только отдалъ честь; пропустилъ сразу же... Купальня довольно просторная, крытая, со скамьями вдоль стѣнъ для раздѣвающихся. У одной стѣны устроенъ спускъ внизъ аршина на два — на $2^1/_2$. Здѣсь-то и находится кранъ, подъ который становятся богомольцы. Надъ краномъ помѣщена иконка преподобнаго, молящагося въ лѣсу на камнѣ.

Чего-чего въ этой купальнѣ не услышишь, не увидишь! Но общее впечатлѣніе то, что сюда поспѣшила вѣра твердая, какъ скала... Здѣсь богомолецъ увѣренъ, что старецъ и не откажетъ ему въ молитвѣ, да пожалуй по своей любвеобильности и отказать не сможетъ... И съ такою вѣрою, помолившись на икону Преподобнаго, каждый становится подъ струю... И не посрамляется.

Трогательно наблюдать и то, какъ у этого источника, изъ котораго когда-то пользовался водицей самъ Преподобный, объединяются въ вѣрѣ и любви къ Преподобному всѣ: и здоровые и больные, и знатные и

незнатные, и образованные и необразованные. Помню,— сѣлъ я рядомъ съ мужичкомъ... Перекидываемся словами... Конечно все объ одномъ: о преподобномъ. А откуда вы?.. И одно слово „Питеръ“ производитъ какое-то ужасное дѣйствіе. И мужичекъ какъ-то сжимается, предполагая, вѣроятно, что я становлюсь шире... А если бы сказать еще, что я—архимандритъ... Меня умиляло то, что сюда во множествѣ всегда спѣшило духовенство и бывшая на торжествахъ интеллигенція...

Хотя послѣ сильной жары и казалось нѣсколько смѣлымъ становиться подъ струю источника (искушать Бога тоже не особенно то справедливо), тѣмъ не менѣе нѣсколько остывъ, я молитвенно призвалъ Преподобнаго старца Серафима и сталъ подъ кранъ. Первое дѣйствіе четырехградусной воды — слишкомъ тяжелое. Голова мерзла и болѣла. Но почти сразу же разлилась по мнѣ живительная теплота, и я во второй и третій разъ сталъ подъ кранъ только съ удовольствіемъ. Послѣ купанья я налилъ водой купленныя шесть бутылокъ. Наливаютъ воду въ часовенкѣ, наливаютъ богомольцы сами.

Здѣсь же, дорогой В. А—ъ, мы были почти очевидцами чуда... На источникѣ съ нами встрѣтились наши петербургскіе оо. иподіаконы. Когда я только-что кончилъ купаться, — вбѣгаетъ одинъ изъ нихъ въ купальню и говоритъ короткое слово: сейчасъ только исцѣлился мальчикъ. Мы поспѣшили убѣдиться сами въ его словахъ... И вотъ что увидѣли. Какая-то женщина принесла къ источнику мальчика калѣку. Ножки его были сведены къ спинѣ. Ручки болтаются, но къ лицу не поворачиваются. Съ вѣрой она его подержала

подъ краномъ. И вотъ гдѣ сказалась сила Божія и милость Преподобнаго! Здѣсь же у часовенки мальчика положили на подушечку... „Протяни, милый, ножки и ручки“, говоритъ мать, а сама все третъ его... Малютка весь затрепеталъ, потянулся... „Еще, милый, протяни, еще, еще“... И мальчикъ постепенно вытягиваетъ ножки и ручки. Ангельская улыбка на лицѣ его. Все время бьетъ рученками. Ничего не говоритъ. Его приподнимаютъ подъ мышки, просятъ стать... Но онъ становится пальцами, или вѣрнѣе ногтями пальцевъ... Ему вдавливаютъ ступню, передвигаютъ ноги. Словомъ всѣ съ какимъ-то поразительнымъ участіемъ помогаютъ исполниться тому, на что явилась воля Божія... И что же? Вечеромъ, къ удивленію всѣхъ, этого мальчика привели уже въ монастырь...

Видимо сказалась здѣсь сила Божія... Но сказывалась она постепенно... И не благоволилъ ли Господь такимъ именно исцѣленіемъ больного возгрѣвать постепенно вѣру и матери и собравшагося народа... И по торжествующей ихъ вѣрѣ даровалъ больному полное исцѣленіе.

Дорогой В. А—ъ. И такія проявленія милости Божіей бываютъ, говорятъ, почти ежечасно. И если бы ты самъ былъ на источникѣ и пережилъ то, что въ эти минуты переживали мы, то понялъ бы насъ совершенно. А мы и могли только, какъ дѣти заплакать, да еще горячѣе помолиться на источникѣ Господу и его великому Угоднику.

Вечеромъ, часовъ въ 6-ть, я съ Мишей и о. намѣстникъ съ благословенія о. игумена взяли монастырскую лошадку, запряженную въ „длиннуху“, и шагомъ по-

ѣхали въ пустыньки. Дальняя пустынька отъ монастыря отстоитъ версты на 4. Ѣхать нужно по той же дорогѣ, что и на источникъ. По пути туда мы останавливались прежде всего у огородика, который когда то воздѣлывалъ самъ Преподобный. Мѣсто въ настоящее время обнесено маленькимъ заборомъ. На огородикѣ три грядки съ картофелью. Поставленъ крестъ. Богомольцы постоянно заходятъ ко кресту и молятся. И какъ не молиться! Вѣдь здѣсь садилъ свою картофель да снитку чудный старецъ... Здѣсь онъ въ потѣ лица трудился и по обычаю среди трудовъ, конечно, занимался богомысліемъ.

Вблизи источника, на горкѣ, находится ближняя пустынька. Я уже тебѣ писалъ, что настоящая пустынька находится въ Дивѣевѣ. Здѣсь же сдѣланная по размѣрамъ ея копія съ нея. Въ пустынькѣ дежуритъ монахъ и раздаетъ богомольцамъ сухарики.

На пол-пути къ дальней пустынькѣ за источникомъ мы остановились у того мѣста, гдѣ въ молитвенномъ подвигѣ провелъ 1.000 ночей преподобный Серафимъ. Природа дикая, суровая, но чудная... Кругомъ громадный сосновый лѣсъ. Въ немъ много лѣса-бурелома. И какъ то особенно шумитъ этотъ лѣсъ. И припоминается, какъ подъ такой же шумъ углублялся въ себя Преподобный... Кричатъ птицы, шумитъ лѣсъ, пробѣгаютъ звѣри, а старецъ погрузился въ себя и въ молитвѣ слился съ божествомъ... Вотъ и старецъ подвижникъ Маркъ. Но и на него не обращаетъ вниманія молитвенный старецъ: не ощущаетъ онъ его присутствія. А тотъ не нарушаетъ его покоя...

Призадумались мы на этомъ святомъ мѣстѣ...

Здѣсь же оказалась риза съ епитрахилемъ... Я совершилъ литію по Преподобномъ и въ лѣсу, гдѣ онъ молился, раздалась ему сейчасъ изъ нашихъ грѣшныхъ устъ „вѣчная память".

Кстати. Какъ то особенно дѣйствуютъ на меня въ настоящее время заупокойныя пѣснопѣнія... Поешь „Со святыми упокой", „Упокой Господи"... А самъ думаешь: „а на какомъ собственно правѣ я молюсь *за него*, когда казалось бы я долженъ просить его молитвы?"... И невольно устная молитва дополняется внутренней. Молясь за старца, смиренно въ свою очередь просишь его великаго предстательства.

Въ настоящее время на томъ мѣстѣ, гдѣ молился преподобный, лежитъ камень, напоминающій другой камень, 1.000 ночей послужившій Преподобному. Я уже писалъ, что часть того камня хранится, какъ святыня, въ Дивѣевѣ. Есть небольшая часть его и въ Саровѣ. А весь камень разобранъ въ свое время въ Саровѣ благочестивыми богомольцами.

Надъ камнемъ устроенъ навѣсъ, въ видѣ открытой часовни. Почти рядомъ съ этимъ навѣсомъ — другой, подъ которымъ сохраняется пень сосны, къ великому сожалѣнію, зачѣмъ-то выкрашенный въ бѣлую краску. Пень этотъ — остатокъ той сосны, на которой висѣла икона, приковывавшая къ себѣ взоръ молитвеннаго старца, помогавшая ему оторваться отъ земли и перенестись къ небу.

Дальняя пустынька дорогà опять потому, что она напоминаетъ мѣсто, гдѣ провелъ много времени Преподобный. Сама пустынька тоже въ Дивѣевѣ. Настоящая построена уже сравнительно въ недавнее время, что за-

мѣтно хотя бы даже по величинѣ оконъ. Помолились мы въ самой пустынькѣ. Потомъ спустились въ подвалъ. Спускъ тоже едва ли такой, какой былъ при Преподобномъ: съ желѣзной рѣшеткой. Въ подвалѣ обнесено мѣсто, на которомъ въ нѣкоторые часы молился старецъ... На мѣстѣ лежитъ песокъ. Одна изъ спутницъ нашихъ брала песокъ и случайно спросила: „а вы не подсыпаете сюда песку? Это тотъ песокъ, на которомъ стоялъ Преподобный?“—„Эхъ, матушка, если бы не подсыпать, тогда навѣрное все мѣсто наше теперь было бы разобрано!..“ Спасибо еще иноку за откровенность. Земля была высыпана обратно. Но вмѣсто этого тотъ же монахъ всѣмъ намъ далъ земли, взятой изъ могилы Преподобнаго, когда вынули оттуда его мощи... Она въ пустыньку прислана для раздачи народу...

На горкѣ, повыше пустыньки, мѣсто, на которомъ разбойники били старца, поставленъ крестъ... Посажены березки (хотя мѣсто въ лѣсу).

Внизу отъ пустыньки, на берегу Саровки (Іордана у Преподобнаго) пещерка, выкопанная самимъ Преподобнымъ. Въ ней онъ иногда тоже молился. Говорятъ, что она сохраняется въ неприкосновенномъ видѣ со временъ Преподобнаго.

При посѣщеніи пустынекъ мы встрѣтились съ гр. Г. и матушкой С..., съ которыми и осмотрѣли все...

На обратномъ пути въ монастырь мы опять остановились у источника. Таже масса народа. Тоже множество недужныхъ. Іеромонахъ, священникъ, чиновникъ допрашиваютъ исцѣлившихся и свидѣтелей исцѣленій и записываютъ строго провѣренныя чудеса. Слава Богу! Наконецъ то! А сказать правду,—днемъ меня до глу-

бины души возмутило было одно обстоятельство... Выхожу изъ часовенки послѣ исцѣленія мальчика, чтобы направиться домой. Городовой, или полицейскій какой то чинъ предупредительно останавливаетъ меня и замѣчаетъ: „какая, батюшка, масса исцѣленій“... Смотрю, раскрываетъ онъ книжку, куда заносятся „происшествія“ и начинаетъ вычитывать исцѣлившихся за день... Неужели, думаю, проявленія силы Божіей не заслуживаютъ того, чтобы ихъ записывали не въ книжку происшествій?.. Не для рекламы преподобному эти записи нужны... А для насъ слабыхъ, маловѣрующихъ... Пусть эти вѣсти о лѣтѣ Господнемъ благопріятномъ успокоиваютъ волнующихся и сомнѣвающихся...

При насъ допрашивали глухонѣмого, которому возвратился и потерянный слухъ и утраченная рѣчь. На всѣ вопросы отзывается,—очевидно слышитъ. Но память словъ потерялъ и его учатъ говорить... „Радъ, что исцѣлился“, —спрашиваютъ... Молчитъ. „Скажи: радъ“... Радъ, —отвѣчаетъ мальчикъ... И сколько радости у народа! И какими желѣзными нужно обладать нервами, чтобы выдерживать себя въ такія минуты у источника.

Да. Исцѣленія подаются обильно всѣмъ вѣрующимъ... А таковые сюда и собрались... Какъ бы хотѣлъ, чтобы собрались сюда помаленьку и невѣрующіе! Не съ хвастовствомъ, а съ сознаніемъ своей правоты тогда каждый сказалъ бы имъ: идите сейчасъ на источникъ и посмотрите: слѣпые прозрѣваютъ, хромые ходятъ, глухіе слышатъ, разслабленные везутъ свои телѣжки. Блаженъ, кто не соблазнится о старцѣ....

Вчера, чуть ли не въ сотый разъ, зашелъ я въ икон-

ную лавочку. Наконецъ то добился до инока, продающаго иконы!. Пріобрѣлъ медальонныя изображенія Преподобнаго, съ иконой Божіей Матери „Умиленіе" на другой сторонѣ. Купилъ изображеній Преподобнаго на шелку. Исполнены очень хорошо. Все это постараюсь освятить на св. мощахъ. Накупилъ самыхъ разнообразныхъ картинъ, касающихся Преподобнаго. Всѣмъ питомцамъ привезу благословеніе отъ Угодника. А они пусть молятся ему усердно. Иконъ хорошихъ найти не могъ, но что понравится хотя нѣсколько,—куплю.

Пока прощай. Сегодня панихида, назначенная въ 12 час. по церемоніалу, у насъ отмѣнена и состоится завтра. Вмѣсто панихиды Высокопреосвященный Казанскій служитъ Литургію (день князя Владиміра), а послѣ нея молебенъ Владыка-Митрополитъ, всѣ архіереи и оо. архимандриты.

Загудѣлъ колоколъ. Иду къ обѣднѣ и буду молиться за васъ. Молодежи мой привѣтъ.

$8^{1}/_{2}$ час. утра.

1903. 16 іюля.
Саровъ.

Дорогой мой В.... А...ъ!

Вчера утромъ отстоялъ обѣдню. Замѣчательно хорошо, хотя для насъ петербуржцевъ въ иныхъ случаяхъ и непривычно, служитъ Высокопреосвященный Казанскій. Напр., благословеніе „Призри съ небесе, Боже", онъ произноситъ нараспѣвъ. Сослужили ему оо. архимандриты изъ казанскихъ. И опять для насъ особен-

ности: полагать начало Литургіи идутъ со средины сразу два архимандрита, изъ которыхъ одинъ говоритъ „Благословенно царство", а второй—возгласъ „Яко подобаетъ"... Впрочемъ, эти мелочи тебя едва ли такъ интересуютъ. Молебенъ, совершенный всѣми Владыками, во главѣ съ Высокопреосвященнымъ нашимъ Владыкой, отличался особой торжественностью.

Послѣ обѣда я съ о. Намѣстникомъ предпринялъ снова маленькое путешествіе: взяли съ благословенія о. Игумена монастырскую лошадку и отправились осматривать „народный городокъ". До городка отъ монастыря версты три. Дорога сосновымъ и еловымъ лѣсомъ. Говорятъ, что прежде была твердая, но будто бы ее взрыли для того, чтобы уравнять, и получилась невозможная масса песку. Лошадь тащилась все время шагомъ, и мы предпочли идти по сторонамъ. Отъ пыли задыхались мы, такъ же, какъ задыхался и народъ. А народъ двигался и туда и обратно непрерывною лентою. Грустную картину представляетъ даже самый лѣсъ: отъ непрерывной пыли, при полномъ отсутствіи дождя, онъ весь оказался покрытымъ густымъ слоемъ пыли и и имѣетъ грязный цвѣтъ,

Не доѣзжая до городка, мы свернули нѣсколько влѣво. Здѣсь, въ лѣсу, устроены „номерные" бараки для богомольцевъ. Здѣсь же и пріемный покой. Мы прежде всего попали въ заразное отдѣленіе. Больныхъ серьезныхъ нѣтъ. . Тѣже два человѣка, которые здѣсь оказались, болятъ извѣстною болѣзнью и, вѣроятно, не особенно довольны, что попали въ больницу. Болѣе населеннымъ оказался общій пріемный покой. Въ немъ двѣ половины, мужская и женская. Всѣмъ поставлены

кровати. Бѣлье безусловно чистое. Къ сожалѣнію, нѣтъ для больныхъ теплыхъ одѣялъ. Но этотъ недостатокъ не столь ощутителенъ. Всѣхъ больныхъ въ больницѣ при нашемъ посѣщеніи было 48. На всю массу богомольцевъ цифра эта слишкомъ ничтожна. Конечно, много больныхъ и не пользуется медицинскою помощью. Но все же общее состояніе здоровья богомольцевъ нельзя не признать удовлетворительнымъ. При насъ въ больницѣ лежали или съ опухшими отъ усталости ногами, или съ растроенными желудками, или даже съ разными формами простуды. При больницѣ доктора, 6 сестеръ милосердія. Прикомандированъ особый священникъ. Больнымъ дается мясной столъ, чай и бѣлый хлѣбъ.—Случаевъ смерти было около 7. Умерли между прочимъ хроники-чахоточные. Не говорю уже о томъ, что въ больницу тоже проведенъ телефонъ, въ ней есть перевязочная, и чуть ли не оперативная комната.

Самый „городокъ" расположенъ на полянѣ, по берегамъ рѣчки. Со всѣхъ сторонъ окруженъ лѣсомъ. При самомъ въѣздѣ въ „городокъ", какъ и слѣдовало ожидать, расположились разнаго рода торгаши. Здѣсь лавки со съѣстными продуктами, здѣсь мясныя лавки (почему то всѣ оказались закрытыми при моемъ пріѣздѣ... Думаю, что и не открывались). Устроены общедоступныя столовыя, гдѣ можно достать напр. щей изъ кислой капусты, безъ мяса, вѣроятно, не такъ доступныя столовыя „Поваръ", „Городокъ", кухмистерская... Есть лавки со сластями (для кого?), парикмахерскія, павильонъ искусственныхъ минеральныхъ водъ и др. Кажется, кто отгадалъ составъ богомольцевъ,—торгуетъ на славу. Но нѣкоторымъ торгашамъ приходится видимо туго. Какая же баба купитъ, къ примѣру сказать, бутылку ананасной воды за 17 коп., когда на эти 17 к. она разсчитываетъ просуществовать недѣлю, а воды сколько угодно и въ рѣчкѣ. Кстати: присутствіе рѣчки — это большое достоинство городка. Мы съ о. Намѣстникомъ „изъ человѣколюбія" выпили двѣ бутылки ананасной...

Излишне, конечно, говорить, что въ городкѣ масса полиціи, вѣроятно, ожидающей какого-нибудь „движенія". А нашъ добрый богомолецъ на зло всѣмъ его супротивникамъ только и дѣлаетъ, что молится.

Для народа устроено всѣхъ бараковъ 200. Разумѣется, я ихъ не считалъ и цифру передаю со словъ лица, близкаго къ организаціи этого дѣла. Въ каждомъ баракѣ можетъ помѣститься на нарахъ 300 человѣкъ. Въ то время, когда я былъ въ городкѣ, свободныхъ мѣстъ въ баракахъ уже не было. Слѣдовательно народу только въ „Городкѣ" находилось до 60.000.

А сколько богомольцевъ не пользовалось помѣщеніями! Безъ сомнѣнія,—большая часть. Выйдешь вечеромъ за монастырь, посмотришь на поляну за р. Сатисъ... А тамъ тысячи огоньковъ... Это у богомольцевъ понастроены шалаши, покрытые вѣточками деревьевъ.. Въ нихъ они и коротаютъ ночи. А ночь для богомольца недлинна: въ 2 часа онъ спѣшитъ уже къ утрени въ Обитель... У своихъ шалашей и питаются богомольцы... Сколько разъ, направляясь на Сатисъ вечеромъ (купаться), я наблюдалъ, какъ кучка народа разогрѣетъ чайникъ съ водой и мачетъ въ водѣ сухарики... И такъ питается, въ ожиданіи счастья — приложиться къ св. мощамъ Угодника!.

Въ числѣ бараковъ одинъ занятъ вызванными для представленія Ихъ Величествамъ представителями мордовскаго населенія края; другой — мѣстными старшинами, собранными для той же цѣли.

Для удовлетворенія религіозныхъ потребностей народа понастроены въ разныхъ мѣстахъ часовенки. Время отъ времени отъ часовни къ часовнѣ, или даже и къ монастырю совершаются крестные ходы, при чемъ духовенство побуждаетъ народъ къ пѣнію въ эти минуты.. И тѣмъ, конечно, еще болѣе поддерживаетъ религіозную настроенность народа.

Въ общемъ, городокъ въ смыслѣ благоустройства, производитъ самое благопріятное впечатлѣніе.

Возвратившись изъ „Городка“ мы снова спутешествовали на источникъ, гдѣ снова помолились, напились воды изъ источника и этимъ закончили вчерашній день...

Сегодня же начались уже торжества, для которыхъ мы стремились сюда. Около 12 час. дня раздался благовѣстъ въ большой колоколъ къ паннихидѣ. Въ соборѣ предусмотрительно разставили массу солдатъ, шпалерами ихъ поставили и предъ соборомъ. Народа простого за паннихидой поэтому въ Успенскомъ соборѣ почти и не было. Обидно нѣсколько.. Но съ другой стороны,—возможно ли было устроить иначе?

Ровно къ 12 час. въ Успенскій соборъ собралось духовенство. Возглавлялъ его Владыка - Митрополитъ. Съ нимъ сослужили Высокопреосвященный Казанскій Димитрій и Преосвященные Нижегородскій Назарій и Тамбовскій Иннокентій. На паннихиду вышло 12 архимандритовъ и до 20 священниковъ. Пѣли на правомъ

клиросѣ наши митрополичьи пѣвчіе, на лѣвомъ тамбовскіе архіерейскіе. Нужно ли говорить, какое впечатлѣніе произвели наши, особенно при сравненіи съ пѣвчими тамбовскими! На паннихидѣ поминали всѣхъ почившихъ Царей отъ времени, въ которое жилъ Преподобный и дальше, тамбовскихъ епископовъ, саровскихъ настоятелей, родителей преподобнаго Исидора и Агафію и въ заключеніе „присноpоминаемаго Іеромонаха Серафима“...

Какъ то особенно торжественно шла панихида, и ея торжественность увеличивалась еще тѣмъ напѣвомъ величественнымъ, которымъ пѣли „Упокой, Господи“. Говорятъ, что это напѣвъ кіевскій. Я слышу его впервые. И опять, дорогой мой, какъ то особенно я себя чувствовалъ, когда пѣлъ „упокой, Господи“... „Еще достоинъ ли я за него, чуднаго старца нашего молиться?“.. И вспоминалось мнѣ наставленіе Преподобнаго, приблизительно такое: а когда придете къ нимъ на могилку,— помолитесь за нихъ (Пахомія, Исаію, Марка), да ихъ попросите за васъ помолиться“... И я на паннихидѣ молилъ старца болѣе, чѣмъ за него молился...

Кончилась паннихида. Я возвратился домой... Смотрю,—возвращается нашъ Владыка - Митрополитъ изъ собора (онъ съ Преосв. Иннокентіемъ почему то тамъ задержался). Его сопровождаютъ полукругомъ обступившіе его охранные офицеры и солдаты... А народъ!.. Цѣлая лавина его сзади, да еще бѣгомъ съ разныхъ концовъ... Винить его за это нельзя... Пришли съ разныхъ концевъ Россіи. Другой архіерея и въ глаза то никогда не видалъ... А тутъ самъ Митрополитъ! Нужно не забывать и того, что сюда собралось не лю-

бопытство, но вѣра... И однако, — не будь предосторожностей, — когда бы попалъ, и въ какомъ видѣ попалъ, домой Владыка!.. Съ этой стороны я понимаю и солдатъ, которые охраняютъ порядокъ у собора и въ соборѣ.

Сегодня вечеромъ у насъ „Парастасы“ (заупокойныя всенощныя) по преподобномъ. Въ Успенскомъ соборѣ служитъ Владыка-Митрополитъ и Преосвященный Иннокентій. Сюда же назначенъ и я. Въ соборѣ Живоноснаго Источника Архіепископъ Казанскій Димитрій и Преосвященный Назарій.

Сегодня письмо пока кончаю. Пишу, а подъ окнами у меня богомольцы... Отдѣльныя группы расположились на поженкахъ и закусываютъ... Въ разныхъ мѣстахъ стоятъ богомольцы, обращенные лицомъ къ церкви св. Зосимы и Савватія. Многіе изъ нихъ на колѣняхъ... Чувствуютъ ихъ сердца, гдѣ сокрытъ на время ихъ сердобольный помощникъ Преподобный старецъ... Дай имъ, Господи, всего по вѣрѣ ихъ... Доносятся откуда то вопли кликушъ, ужасные вопли...

Тебя и дорогую молодежь сохрани Господь молитвами новоявленнаго Угодника...

6 час. веч.

1903. Іюля 17.
Саровъ.

Дорогой мой В.... А...ъ!

Хотя въ настоящее время и чувствую себя совершенно усталымъ, однако спѣшу подѣлиться всѣмъ пережитымъ съ тобою. Вчера, какъ я и писалъ тебѣ,

совершены были торжественные парастасы по приснопоминаемомъ іеромонахѣ Серафимѣ. Въ Успенскомъ соборѣ пѣли митрополичьи пѣвчіе и всѣхъ привели въ восторгъ. На лѣвомъ клиросѣ временами помогали саровскіе иноки. Быть можетъ въ отдѣльности они и не произвели бы такого впечатлѣнія, какъ теперь... Мнѣ они положительно не понравились... Даже болѣе: я пришелъ въ смущеніе отъ такого пѣнія... Однако говорятъ, что пѣніе чѣмъ то замѣчательно. Но чѣмъ, — сами пѣвцы плохо знаютъ... „Какимъ напѣвомъ вы поете“, — спрашиваю. Одинъ говоритъ: аѳонскимъ, другой: іерусалимскимъ. „Быть можетъ, спрашиваю, саровскимъ“... — А все возможно, батюшка...

Начиная съ „непорочныхъ“ до конца какона всѣ стояли съ зажженными свѣчами, мы служащіе—на срединѣ храма. Канонъ заупокойный прочиталъ, и произвелъ сильное впечатлѣніе преосвященный Иннокентій. Публика на парастасъ была впущена „избранная“. Начавшись въ 6 час. вечера, всенощное это окончилось въ 11-мъ часу. И это по-саровски еще не поздно. Одновременно съ нашимъ совершался парастасъ и въ соборѣ Живоноснаго Источника. Тамъ пѣли тамбовцы.

Сегодня, въ 7½ час. утра, во главѣ съ Преосвященнымъ Иннокентіемъ вышелъ крестный ходъ навстрѣчу крестному ходу изъ Дивѣевскаго монастыря. Долго по сему случаю гудѣли колокола Сарова. Крестные ходы пришли въ монастырь около 9 час. утра, и сразу же мы вышли встрѣчать Владыку-Митрополита, совершавшаго Литургію. Народу съ крестнымъ ходомъ пришло видимо-невидимо. А хоругвей — цѣлый лѣсъ. Въ дверяхъ собора происходило нѣчто ужасное. На-

родъ давилъ и солдатъ и полицію. Никто съ натискомъ толпы не могъ ничего подѣлать. Мы, вышедшіе встрѣчать Владыку, такъ и думали, что и Владыкѣ въ соборъ будетъ не попасть. Офицеры буквально вопятъ: „Митрополитъ идетъ. Разступитесь". Ничто не помогаетъ. Тогда на сцену выступилъ тамбовскій губернаторъ. „Смирно",—раздалась команда высшимъ гласомъ въ самомъ входѣ въ соборъ... Водворилась гробовая тишина... „Осади", — и дорога Владыкѣ моментально была очищена... Вотъ умѣнье уловить моментъ! Несомнѣнно и знаніе психологіи мужичка: осадилъ толпу однимъ рѣшительнымъ словомъ....

Литургію съ Высокопреосвященнымъ нашимъ Митрополитомъ служилъ Преосвященный Назарій. Пѣли пѣвчіе наши и пѣли прекрасно, по обычаю. Поминали за упокой „приснопоминаемаго іеромонаха Серафима". На „Буди имя Господне" Преосвященный Назарій сказалъ слово. Послѣ Литургіи опять была совершена панихида по Преподобномъ.

Сегодня обитель Саровская получила рѣдкое и не для обителей, и великое счастіе встрѣтить и помѣстить въ своихъ стѣнахъ Царственныхъ богомольцевъ.

Обѣдали мы какъ то наскоро... По телефону все время поджигали: Государь проѣхалъ Орѣховецъ, Государь проѣхалъ Глухово, Государь пьетъ чай въ Глуховѣ. И хотя каждый изъ насъ прекрасно зналъ, что Глухово еще только—полпути,—тѣмъ не менѣе вилки плохо держались въ рукахъ и хотѣлось поскорѣе изъ за стола и — навстрѣчу. А тутъ, какъ на зло, лакей подавалъ особенно медленно... Впрочемъ,—не ручаюсь, что намъ это такъ казалось... Съ облегченной душей

услышали мы докладъ: „арбузъ испортился"... Слава Богу,— съ удовольствіемъ всѣ произнесли и направились въ соборъ облачаться.

Было около 4 час. дня. Загудѣлъ навстрѣчу Государю большой саровскій колоколъ. Духовная процессія направилась къ воротамъ. Впереди шли митрополичьи пѣвчіе, дальше бѣлое духовенство, потомъ 12 архимандритовъ, въ заключеніе 3 архіерея и Владыка-Митрополитъ. Конечно,—крестный ходъ.

Въ воротахъ процессія развернулась въ обратномъ порядкѣ... Мнѣ съ о. Намѣстникомъ пришлось стоять уже за воротами и удалось наблюдать самый моментъ встрѣчи Государя. Тамбовскіе пѣвчіе были выстроены у собора.

Гудитъ колоколъ... У насъ бьется сердце... Чувствуется приближеніе Высокихъ Гостей... Солнышко грѣетъ, но какъ будто жалѣя Царственныхъ Путешественниковъ прикрылось не то въ легкія облака, не то въ какую то дымку...

А предъ монастыремъ?... Сразу отъ воротъ къ западу—отлогій спускъ съ горы... И вся эта дорога, съ версту—полагаю въ длину, запружена народомъ! Цѣлое море народное... Всѣ ждутъ, ждутъ Царя и Царицъ... Ждутъ, зная, что увидѣть едва ли сейчасъ Ихъ удастся...

Эту громадную лавину народа сдерживаютъ съ трудомъ нѣсколько московскихъ казаковъ на лошадяхъ, да выстроившіеся шпалерами фанагорійцы. Предъ самой обителью оставлено достаточно мѣста для того, чтобы подъѣхать экипажамъ...

Время идетъ... Вотъ уже 5 часовъ, Гудитъ колоколъ, а дорогихъ Гостей все еще не видно... Но вотъ

подходитъ о. архимандритъ С — мъ и докладываетъ: „по телефону ошиблись. Государь Кременки еще не проѣзжалъ“. А отъ Кременки до Сарова верстъ 9 тяжелой дороги.

Солнышко грѣло хорошо... А намъ около каменныхъ стѣнъ, да еще въ церковныхъ облаченіяхъ, было и слишкомъ даже жарко. Подали намъ воды освѣжиться.

Ближе къ 6 часамъ вечера раздался благовѣстъ „во вся“: Государь ѣдетъ уже по монастырской землѣ... Откуда то доносятся крики ура... Жутко становится... Близко Царь и Царица... Вотъ могучее „ура“ все разростается и разростается и въ концѣ концовъ едва не покрываетъ церковнаго звона...

Изъ-за угла вылетѣла тройка: подъѣхалъ встрѣчавшій на границѣ губерніи Губернаторъ. Вскорѣ за нимъ оттуда же показалась четверка, а въ открытомъ ландо Царь и Царица. Непосредственно за ними еще четверка, на которой пріѣхала Царица-Мать. Далѣе—экипажи съ Великими Князьями и Княгинями... Когда Государь приблизился къ воротамъ, на минуту звонъ прекратился, Владыка-Митрополитъ сказалъ краткое привѣтствіе, Царственныя Особы приложились ко кресту, приняли кропленіе святой водой, поздоровались съ Владыкой и въ предшествіи прежней духовной процессіи при звонѣ колоколовъ, при пѣніи „Спаси, Господи, люди твоя“ направились въ Успенскій соборъ. Отъ воротъ до собора направо стояли духовенство, хоругвеносцы, Дивѣевскія монахини, народъ; налѣво — саровскіе иноки, духовенство и народъ. Моментъ въ высшей степени торжественный... По приходѣ въ соборъ—краткое молебствіе и многолѣтствованіе.

По желанію Государя, изъ собора Его провели въ церковь Зосимы и Савватія... И Государь со всею Царственною Фамиліею здѣсь преклонился впервые предъ Угодникомъ Божіимъ... Мы, конечно, сопровождали Ихъ до этой церкви. Обратный путь—мимо приготовленнаго для Ихъ Величествъ дворца... Владыка-Митрополитъ осѣнилъ всѣхъ крестомъ, одинъ изъ саровскихъ иноковъ, въ мантіи поднесъ Государю при входѣ во дворецъ хлѣбъ-соль (черный хлѣбъ на деревянномъ блюдѣ)... И обитель съ этого момента приняла въ свои стѣны Августѣйшихъ Гостей...

На долю многихъ ли обителей приходитъ счастье привѣтствовать въ своихъ стѣнахъ столь Высокихъ Гостей? И Сарову это великое счастье послалъ Угодникъ Божій.

Счастливъ сейчасъ Саровъ!... Счастливъ сейчасъ народъ, видѣвшій уже Царя и Царицъ!... Безконечно счастливъ и я, имѣвшій Царя и Царицъ отъ себя всего на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ.

Непосредственно послѣ встрѣчи Царственныхъ Богомольцевъ все духовенство возвратилось въ Успенскій соборъ, и здѣсь совершенъ былъ благодарственный по случаю благополучнаго прибытія Ихъ Величествъ молебенъ.

На торжества въ Саровъ прибыли также Великіе Князья Сергій Александровичъ съ Супругой Елисаветой Ѳеодоровной, Николай Николаевичъ, Петръ Николаевичъ съ Милицей Николаевной, Петръ Александровичъ Ольденбургскій съ Великой Княгиней Ольгой Александровной, Георгій Максимиліановичъ Лейхтенбергскій съ Анастасіей Николаевной. Изъ министровъ—

Министры: Императорскаго Двора, Путей Сообщенія и Внутреннихъ Дѣлъ.

Пока, дорогой мой, прощай. Напишу еще, если будетъ время, завтра утромъ...

1903. Іюля 18.
8 час. утра.

Дорогой мой В.... А...ъ!

Около 11 час. вечера вчера по распоряженію Владыки-Митрополита гробъ, въ которомъ покоился преподобный Серафимъ, былъ перенесенъ въ обдѣланную мраморомъ его могилу. Во главѣ съ Преосвященнымъ Иннокентіемъ въ Спасо-Преображенскую церковь, гдѣ былъ поставленъ гробъ, собрались оо. архимандриты, въ числѣ 7. Въ церкви былъ, когда мы пришли, полный мракъ. Прежде, чѣмъ нести гробъ, мы попробовали, сможемъ ли его поднять... Гробъ, несмотря на то, что пробылъ поверхъ земли вотъ уже 17 дней, еще страшно тяжелъ. Впрочемъ, и самъ по себѣ онъ не долженъ быть легкимъ: дубовый, долбленый. Время пребыванія въ землѣ на немъ сильно сказалось, и онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сотлѣлъ; хотя въ общемъ довольно таки сохранился. Края гроба, во избѣжаніе дальнѣйшей ихъ порчи, обдѣланы серебряными полосами...

Всѣ мы надѣли епитрахили и, помолившись, приступили къ перенесенію гроба. Я съ московскимъ о. архимандритомъ Никономъ несъ впереди крышку. Сначала мнѣ казалось, что мы донесемъ крышку легко. Однако скоро начали затекать руки, трястись ноги... И мы

много разъ до могилы отдыхали... Въ монастырѣ въ эту ночь народа не было, и ворота были закрыты. Шли мы безъ свѣтильниковъ, не встрѣчая никого на пути. И лишь звѣзды на мрачномъ небѣ были свидѣтелями нашей скромной процессіи.

Дорога къ могилѣ Преподобнаго—мимо дворца, занятаго Царицею-Матерью. Дворецъ, когда мы проходили, былъ ярко освѣщенъ... Насъ тамъ замѣтили...

Я съ о. Никономъ крышку принесли немного пораньше гроба, минуты на двѣ—на три. Въ часовнѣ было нѣсколько монаховъ, іереевъ... Пришли офицеры изъ охраны... Вдругъ сюда же входятъ военные генералы, дамы, барышни... Я стоялъ у крышки и не обратилъ сначала особеннаго вниманія... Но всматриваюсь... И что же? Это—Великій Князь Сергій Александровичъ съ Великой Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной, и Великая Княгиня Ольга Александровна съ принцемъ Петромъ Александровичемъ Ольденбургскимъ. Тронули они насъ всѣхъ до глубины души... Когда имъ отвѣтили, что принесли гробъ, въ которомъ лежалъ въ землѣ преподобный, они преклонились предъ крышкой гроба (а гробъ опускали въ могилу), цѣловали ее. Въ гробу, отъ ветхости его, есть нѣчто въ родѣ праха, пыли... Они брали эту пыль, завертывали ее въ бумажки и унесли съ собой... А Великій Князь Сергій Александровичъ даже помогалъ опускать гробъ въ могилу...

Умилительно было смотрѣть на офицеровъ, бывшихъ около этого гроба еще до прихода великихъ князей. Они не только молились предъ гробомъ колѣнопреклоненно, не только цѣловали его, но кажется—

если бы вѣжливо не сдерживать ихъ, они растащили бы себѣ весь этотъ гробъ...

Обѣдню сегодня совершаетъ въ Успенскомъ соборѣ нашъ о. Намѣстникъ. Послѣ обѣдни послѣдняя по преподобномъ панихида, въ присутствіи Ихъ Величествъ. Въ 6 часовъ вечера всенощное бдѣніе, и на немъ открытіе св. мощей. Если успѣю, напишу еще письмо сегодня же. Иначе—завтра непремѣнно. Прости. Сохрани васъ Господь.

1903. Іюля 18.
Саровъ.

Дорогой В....й А...ъ!

Въ ожиданіи обѣдни сажусь опять къ столу и спѣшу побесѣдовать съ тобой... Давно я собирался написать тебѣ нѣчто о св. мощахъ, да все какъ то откладывалъ. Исполняю намѣреніе сейчасъ. Тебѣ извѣстно, что при самомъ переложеніи св. мощей (происходившемъ между 1 и 5 іюля) я не былъ. То же, что напишу, буду сообщать со словъ достовѣрнѣйшаго участника переложенія св. мощей.

Какъ уже извѣсто изъ оффиціальнаго оповѣщенія,— въ гробу оказалось не нетлѣнное тѣло, а кости Преподобнаго. Кости всѣ лежатъ въ строгомъ порядкѣ, отдѣляются одна отъ другой довольно легко. Всѣ совершенно цѣлы. Волоса бороды отдѣлились отъ кости, волоса головы—остались на головѣ. Волоса цвѣта сѣдовато-рыжеватаго. На одной реберной кости слѣды того, что она была когда-то сломана и снова срослась.

Тоже самое и на одной кости ножной. Въ могилѣ также найдены мѣдный крестъ Преподобнаго, епитрахиль его, отъ которой многое совершенно цѣло, но кой-что тоже предалось тлѣнію. Цвѣтъ и устройство епитрахили, цвѣтъ волосъ Преподобнаго точно такіе-же, что и на портретѣ его, находящемся въ ближней пустынькѣ (въ Дивѣевѣ). А въ объясненіе перелома ребра достаточно вспомнить изъ жизни Преподобнаго случай нападенія на него разбойниковъ около дальней пустыньки.

. . . .

Уклоняюсь совершенно въ сторону. Около Успенскаго собора, у меня предъ глазами, сейчасъ несмѣтныя толпы народа. Какой то особенный шумъ стоитъ надъ этой толпой... Государь, оказывается, изволилъ отстоять раннюю обѣдню и сейчасъ во дворцѣ у Царицы-Матери... Народъ ждетъ видѣть Царя-Батюшку.

. . . .

Продолжаю о св. мощахъ. Святыя кости омыли святою водой и на время ихъ полагали на особо приготовленномъ полотнѣ. Затѣмъ они были снова расположены въ анатомическомъ порядкѣ, причемъ нужныя указанія давалъ кн. Путятинъ (строитель раки преподобнаго). Всѣ кости были завернуты въ монашеское одѣяніе... Кости ножныя были собраны въ особыя туфли, кости ручныя — въ перчаточки... Тѣ и другія положены на своихъ мѣстахъ... На голову надѣта монашеская шапочка. Небольшая часть на челѣ оставлена для цѣлованія Преподобнаго.

. . . .

И опять сбиваюсь съ предмета... Ура несется по всему монастырю. Государь Императоръ сейчасъ прошелъ къ Себѣ во дворецъ... Дорогу среди народа чины охраны прокладывали,—но по сторонамъ цѣлыя стѣны народа!.. Сначала было сдерживались и лишь махали шапками... Но прорвалась русская натура и, тихая обитель оглушена, и предъ самымъ соборомъ, громовымъ „ура...“ И полегчало видимо у народа... Всѣ довольны... Идутъ сейчасъ группами изъ монастыря и крестятся... Далеко теперь и долго будутъ разсказывать: „Царя видѣли...“

. . . .

Снова о св. мощахъ... Разсказъ одного очевидца... Совершили омовеніе св. мощей. Онъ ушелъ въ алтарь и тамъ стоялъ, пока посреди храма еще продолжалось дѣйствіе около мощей... Кромѣ теплой воды, — никакихъ пахучихъ веществъ при омовеніи не употребляли... Но вдругъ сильно стало ощущаться благоуханіе... Подошелъ къ этому лицу и кн. Путятинъ и тоже обратилъ вниманіе на разлившееся по церкви какое то особенное благоуханіе... Провѣрили ключаря,— не было-ли принесено какой нибудь воды... Осмотрѣли самую воду: самая простая... И поняли тогда, что благоуханіе это—голосъ Божій о преподобномъ. Да, предалось тѣло его тлѣнію. Отъ него сохранились однѣ только кости. Но это—кости не простого человѣка, а человѣка, Богу угождавшаго и угодившаго, кости святого Угодника Божія, его поэтому святыя мощи... И за нихъ — Богу слава и благодареніе.

Св. мощи положены въ кипарисовый гробъ, а этотъ послѣдній положенъ въ дубовый гробъ, долбленый, по

образцу гроба-колоды... Въ такомъ видѣ св. мощи будутъ положены въ чудную раку, устроенную усердіемъ Ихъ Величествъ. Надъ ракой Ихъ Величествами сооружается великолѣпнѣйшая сѣнь... Едва-ли кто-либо изъ св. угодниковъ почиваетъ въ столь благолѣпномъ убранствѣ.

Вчера вечеромъ Государь вызвалъ къ себѣ іеросхимонаха о. Симеона и выразилъ желаніе исповѣдаться у него... Ободренный преосвященнымъ Иннокентіемъ, старецъ дерзновенно приступилъ къ исполненію Царскаго желанія... Исповѣдался Государь, Государыня и великій князь Сергій Александровичъ въ кельѣ преподобнаго Серафима, въ той самой кельѣ, куда тысячи народа приходили къ старцу въ свое время со своей душой, — съ ея волненіями, съ ея нуждами... Сегодня Государь съ 5 час. утра уже въ Успенскомъ соборѣ былъ... Отстоялъ съ народомъ Литургію и въ свое время пріобщился св. Христовыхъ Тайнъ... Служилъ Литургію архимандритъ о. Андрей изъ Казани (кн. Ухтомскій), начальникъ миссіонерскихъ курсовъ. За обѣдней, во время причастнаго, сказалъ проповѣдь о. Философъ Орнатскій, прекрасную проповѣдь... Ему передано сегодня Царское „спасибо“. Отрадно и пріятно и за о. протоіерея, и за все духовенство, осчастливленное Монаршимъ вниманіемъ въ его лицѣ. Послѣ краткаго отдыха Государь со всѣми прибывшими сюда Особами Царской Фамиліи осмотрѣлъ все, что только можно было осмотрѣть... Ходилъ онъ съ семидесятипятилѣтнимъ старцемъ игуменомъ... Народъ вездѣ почтительно разступается, давая дорогу. Но куда Царь съ Царицами,—туда и народъ со своими котомками за

спиной... И мощное „ура“ не прекращается, какъ только изъ соборовъ или церквей показываются предъ народомъ Царственные Богомольцы... Да,—другой бабушкѣ изъ какой-нибудь Забайкальской области и во снѣ не снилось, что она увидитъ когда-нибудь Царя и Царицъ!.. А тутъ она съ ними почти плечо о плечо!.. Сохрани, Господи, Царя молитвами св. Угодника и помоги ему слиться съ его народомъ... А и любитъ же народъ Царя!..

. . . .

Письмо дописываю уже около часу дня. А началъ его еще въ 8 час. утра. Отстоялъ я обѣдню въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ нея совершена послѣдняя по Преподобномъ паннихида. Отселѣ уже Угоднику будемъ пѣть молебны... На паннихидѣ присутствовали всѣ пріѣхавшіе на богомолье Царственныя Особы. Предъ паннихидой сказалъ прекрасное слово Владыка-Митрополитъ. Паннихида закончилась литіей на могилѣ Преподобнаго... И опять Государь былъ и шелъ среди своего народа.

Радъ бы былъ и еще писать и писать. Но нужно, хотя изрѣдка и тебя пожалѣть... Сейчасъ получилъ твое письмо... Спасибо за вѣсти изъ родного края. Молодежи мой сердечный привѣтъ и искреннія пожеланія здоровья и благодушнаго веселья. Молюсь за всѣхъ васъ. Прощай.

1903. Іюля 19.
Саровъ.

Милый мой В....й А...ъ!

Слава и благодареніе Господу. Совершилось то, о чемъ такъ много говорили и писали, къ чему такъ усиленно готовились, чего съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали. Состоялось торжество прославленія Угодника Божія, преподобнаго отца нашего Серафима.

Вчера въ 6 часовъ вечера началось торжественное всенощное бдѣніе. Въ соборъ Успенскій впускали особенно какъ то строго... Отсюда въ дверяхъ страшная тѣснота и давка. И я, хотя назначенъ былъ въ служеніе, едва-едва попалъ внутрь собора... Къ самому началу богослуженія изволили пожаловать Ихъ Величества и Особы Царской Фамиліи. Соборъ былъ наполненъ лицами Государевой свиты, дворянствомъ, земскими начальниками, старшинами, хоругвеносцами, пріѣзжей интеллигенціей, духовенствомъ... Чудное пѣніе митрополичьяго хора дѣйствительно способно было приподнимать еще выше и безъ того уже приподнятое настроеніе. На „Господи воззвахъ“ пѣли уже стихиры Преподобному по изданной пока не для продажи службѣ ему. Нѣкоторые изъ стихиръ здѣсь же въ Саровѣ, были положены на ноты регентомъ И. Я. Терновымъ...

Но вотъ приблизилось время выхода на литію... При пѣніи литійныхъ стихиръ двинулась изъ Успенскаго собора въ церковь Зосимы и Савватія процессія. Впереди несли фонари и хоругви, далѣе шли парами пѣвчіе и бѣлое духовенство, за ними оо. архимандриты. Процессію заключали преосвященные Владыки. За ними

изволили слѣдовать Ихъ Величества и Ихъ Высочества, а также лица Государевой свиты. Съ колокольни все время раздается чудный Саровскій трезвонъ. Народомъ усѣяна вся монастырская площадь... А солнце какъ то особенно ласково на этотъ разъ посылало внизъ свои лучи... Въ воздухѣ абсолютная тишина... Наступила великая минута...

Вотъ мы уже у Зосимовской церкви... Вся процессія, до бѣлаго духовенства, остановилась у церкви на улицѣ, быстро и скоро развернувшись въ обратномъ порядкѣ. Всѣ же остальные, съ Особами Царствующаго Дома, вошли въ самую церковь... Какъ то жуткострашно было и входить въ церковь, скрывавшую временно великую святыню... Трепетно было и ко гробу приближаться. Молча мы окружили гробъ со св. мощами... Молча Владыка-Митрополитъ окадилъ его. Его Величество опустился на колѣни. За Нимъ опустились на колѣни и прочія Особы Царствующаго Дома... Нужно поднимать и выносить гробъ... Вотъ мы молимся предъ нимъ... Вотъ приближается къ намъ Его Величество, а за нимъ Великіе Князья. Помолившись, мы гробъ взяли на руки и направились къ выходу изъ церкви. Впереди всѣхъ несъ гробъ Самъ Царь. Царицы и Княгини слѣдовали за гробомъ... Вотъ мы показываемся въ дверяхъ церкви... И все это море народа, какъ одинъ человѣкъ, имѣя въ рукахъ зажженныя свѣчи, опускается на колѣни. Въ дверяхъ Зосимовской церкви гробъ со св. мощами былъ поставленъ на обитыя зеленымъ бархатомъ носилки, покрытъ чудной пеленой малиноваго цвѣта и въ такомъ видѣ поднятъ нами на видъ всего народа... Впередъ всѣхъ несли носилки

Его Величество и Великіе Князья, далѣе архимандриты. Сзади всѣхъ—Владыки. Гробъ со святыми мощами возвышался надъ всей толпой и былъ виденъ отовсюду. Гудятъ колокола, поютъ пѣвчіе. А изъ среды народа доносятся рыданія, всхлипыванія, молитвенные возгласы: „преподобне Отче Серафиме, моли Бога о насъ“. И если бы ты, дорогой мой, видѣлъ эти наполненные слезами глаза, съ беззавѣтною вѣрою обращенные на гробъ; если бы ты слышалъ эти стоны не тѣла, а самого сердца, полагаю, — и самъ не удержался бы отъ слезъ!.. И понятными тебѣ стали бы всѣ эти рѣкою льющіяся въ отвѣтъ на глубокую вѣру чудеса.

А какъ умилительно было зрѣть Царя въ эти минуты!.. Монархъ величайшей державы, обладатель сотни милліоновъ народа склонился предъ тѣмъ подвижничествомъ, которымъ прославился старецъ, предъ его великимъ молитвеннымъ подвигомъ, предъ его непосредственною близостью къ Господу... Склонились предъ этимъ у гроба Преподобнаго сотни тысячъ народа вѣрующаго .. Отъ всей вѣрующей русской земли принесъ поклонъ старцу-подвижнику Самъ Царь-Богомолецъ... И вотъ, убѣжденъ, когда Онъ былъ воистинну одно съ народомъ, и народъ слился съ Нимъ!.. Царицы и Княгини шли сзади гроба...

Остановки процессіи были на ю.-з. углу собора, и затѣмъ на сторонахъ южной, восточной, сѣверной и западной... На каждой изъ пяти остановокъ читалось по одному прошенію литійной эктеніи... Литія закончилась благословеніемъ хлѣбовъ въ соборѣ. Въ соборъ былъ внесенъ и гробъ съ св. мощами, предварительно

изволили слѣдовать Ихъ Величества и Ихъ Высочества, а также лица Государевой свиты. Съ колокольни все время раздается чудный Саровскій трезвонъ. Народомъ усѣяна вся монастырская площадь... А солнце какъ то особенно ласково на этотъ разъ посылало внизъ свои лучи... Въ воздухѣ абсолютная тишина... Наступила великая минута...

Вотъ мы уже у Зосимовской церкви... Вся процессія, до бѣлаго духовенства, остановилась у церкви на улицѣ, быстро и скоро развернувшись въ обратномъ порядкѣ. Всѣ же остальные, съ Особами Царствующаго Дома, вошли въ самую церковь... Какъ то жуткострашно было и входить въ церковь, скрывавшую временно великую святыню... Трепетно было и ко гробу приближаться. Молча мы окружили гробъ со св. мощами... Молча Владыка-Митрополитъ окадилъ его. Его Величество опустился на колѣни. За Нимъ опустились на колѣни и прочія Особы Царствующаго Дома... Нужно поднимать и выносить гробъ... Вотъ мы молимся предъ нимъ... Вотъ приближается къ намъ Его Величество, а за нимъ Великіе Князья. Помолившись, мы гробъ взяли на руки и направились къ выходу изъ церкви. Впереди всѣхъ несъ гробъ Самъ Царь. Царицы и Княгини слѣдовали за гробомъ... Вотъ мы показываемся въ дверяхъ церкви... И все это море народа, какъ одинъ человѣкъ, имѣя въ рукахъ зажженныя свѣчи, опускается на колѣни. Въ дверяхъ Зосимовской церкви гробъ со св. мощами былъ поставленъ на обитыя зеленымъ бархатомъ носилки, покрытъ чудной пеленой малиноваго цвѣта и въ такомъ видѣ поднятъ нами на видъ всего народа... Впередъ всѣхъ несли носилки

Его Величество и Великіе Князья, далѣе архимандриты. Сзади всѣхъ—Владыки. Гробъ со святыми мощами возвышался надъ всей толпой и былъ виденъ отовсюду. Гудятъ колокола, поютъ пѣвчіе. А изъ среды народа доносятся рыданія, всхлипыванія, молитвенные возгласы: „преподобне Отче Серафиме, моли Бога о насъ“. И если бы ты, дорогой мой, видѣлъ эти наполненные слезами глаза, съ беззавѣтною вѣрою обращенные на гробъ; если бы ты слышалъ эти стоны не тѣла, а самого сердца, полагаю, — и самъ не удержался бы отъ слезъ!.. И понятными тебѣ стали бы всѣ эти рѣкою льющіяся въ отвѣтъ на глубокую вѣру чудеса.

А какъ умилительно было зрѣть Царя въ эти минуты!.. Монархъ величайшей державы, обладатель сотни милліоновъ народа склонился предъ тѣмъ подвижничествомъ, которымъ прославился старецъ, предъ его великимъ молитвеннымъ подвигомъ, предъ его непосредственною близостью къ Господу... Склонились предъ этимъ у гроба Преподобнаго сотни тысячъ народа вѣрующаго.. Отъ всей вѣрующей русской земли принесъ поклонъ старцу-подвижнику Самъ Царь-Богомолецъ... И вотъ, убѣжденъ, когда Онъ былъ воистинну одно съ народомъ, и народъ слился съ Нимъ!.. Царицы и Княгини шли сзади гроба...

Остановки процессіи были на ю.-з. углу собора, и затѣмъ на сторонахъ южной, восточной, сѣверной и западной... На каждой изъ пяти остановокъ читалось по одному прошенію литійной эктеніи... Литія закончилась благословеніемъ хлѣбовъ въ соборѣ. Въ соборъ былъ внесенъ и гробъ съ св. мощами, предварительно

снятый съ носилокъ. Еще закрытый,—онъ поставленъ на срединѣ церкви.

Послѣ первой кафизмы сказалъ прекрасное слово, отвѣтившее на многіе вопросы, волновавшіе умъ, преосвященный Иннокентій. Но вотъ уже прочитана и вторая кафизма... Всѣ служащіе вышли на средину храма. Владыки—на каѳедрѣ за гробомъ со св. мощами, мы по лѣвую сторону гроба въ одинъ рядъ... Всѣмъ раздаются свѣчи... Со свѣчами уже стоятъ и Ихъ Величества... Въ соборѣ тишина... Старецъ-игуменъ подноситъ Его Высокопреосвященству на блюдѣ серебряный ключъ отъ гроба съ мощами... Владыка сходитъ съ каѳедры... И едва только раздался звукъ отпираемаго замка, какъ вся церковь сейчасъ же опустилась на колѣни. Царь и Царица первые показали тому примѣръ... Громогласно, стройно, величественнно запѣли служащіе Угоднику Божію впервые здѣсь на землѣ: „Ублажаемъ тя, преподобне Отче Серафиме, и чтемъ святую память твою“... Рѣдко переживаемый моментъ!.. Да и переживаемый ли еще когда-нибудь? Народъ плачетъ, Царь благоговѣйно молится, молодая царица—вся „молитва“.

Вотъ уже и пѣвчіе отъ лица всего народа ублажили Преподобнаго, какъ святаго Угодника Божія... Прочитано уже Евангеліе. Наступила пора прикладываться ко святымъ мощамъ. Ахъ, если бы моя милая молодежь видѣла, какъ молились Царь съ Царицами и Князья съ Княгинями!.. Не только въ землю кланялись, не только лобызали св. мощи... Но и головою нѣкоторые, чисто по народному, касались мощей... И симпатичною представляется такая простота и такое

вмѣстѣ смиреніе... И чувствовалось, что у Царственныхъ Богомольцевъ заботъ побольше нашего; чувствовалось, что есть у Нихъ какія то завѣтныя думы и съ сердечнымъ умиленіемъ Они излагали ихъ сокровенно новоявленному Божію Угоднику.

Въ началѣ канона Ихъ Величества, понесшіе столько трудовъ за этотъ день, ушли во дворецъ. Въ 10 часовъ съ минутами закончилась и всенощная.

Непосредственно послѣ всенощнаго бдѣнія начали допускать ко св. мощамъ народъ... Въ монастырѣ пройти отъ массы народа трудно... Къ сожалѣнію, пока еще и порядка въ дѣлѣ этомъ мало... А что дѣлается за монастыремъ!.. Народъ какъ бы оцѣпилъ сейчасъ монастырь... Всѣмъ хочется попасть ко св. мощамъ поскорѣе... а въ монастырь почти не попасть... И вотъ стоятъ они около монастыря, и руководимые духовенствомъ тамбовскимъ, поютъ... Вышли мы уже въ 12 часу ночи на балконъ... Съ разныхъ концовъ раздается церковное пѣніе. Вотъ здѣсь допѣваютъ величаніе преподобному, тамъ время отъ времени не особенно стройно, но съ большимъ воодушевленіемъ раздается „преподобне Отче Серафиме, моли Бога о насъ“... А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поютъ даже пасхальный канонъ... И вся эта масса народа стоитъ около монастыря со свѣчами въ рукахъ... Картина поистинѣ трогательная!

Сегодня литургія началась въ 8 час. утра. Служили всѣ владыки, 12 архимандритовъ, 8 протоіереевъ и іереевъ. Малый входъ... Раздается пѣснопѣніе, и въ обычное то время такъ сильно дѣйствующее на душу: „Пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу. Спаси ны, Сыне Божій, во святыхъ дивенъ сый, поющія ти:

аллилуйя"... Но на этотъ разъ оно или пѣлось какъ нибудь иначе, или вѣрнѣе воспринималось сердцемъ иначе... Дѣло въ томъ, что при началѣ этого пѣснопѣнія св. мощи въ кипарисовомъ гробѣ были вынуты изъ гроба дубоваго, и на рукахъ архіереевъ и архимандритовъ обнесены вокругъ престола и снова поставлены во гробъ (только уже не на средину церкви, а въ раку, куда той порой былъ установленъ гробъ дубовый)... Идемъ медленно... Поемъ протяжно „спаси ны, Сыне Божій... во святыхъ дивенъ сый"... И невольно какъ-то чувствуется, что такъ къ намъ близко, у насъ же на рукахъ тотъ заступникъ, молитвъ котораго заступническихъ мы сейчасъ просимъ... Литургія продолжалась и закончилась обычнымъ порядкомъ. Въ концѣ ея сказалъ слово высокопреосвященный архіепископъ казанскій.

Послѣ литургіи предъ святыми мощами было положено начало молебну Преподобному Серафиму... При пѣніи „Богъ Господь" св. мощи въ дубовомъ гробѣ, но уже открытомъ были снова вынуты изъ раки и на рукахъ Его Величества, Владыкъ, Великихъ Князей, архимандритовъ изнесены изъ собора и установлены на прежніе носилки... Начался снова крестный ходъ. По прежнему Особы Царской Фамиліи несли гробъ... По прежнему плакалъ, рыдалъ стоявшій по сторонамъ народъ... Время отъ времени на святыя мощи кидались изъ среды народа, несмотря на всѣ предупрежденія, холстъ, пряжа, полотенцы...

Во время крестнаго хода, на этотъ разъ направившагося вокругъ соборовъ Успенскаго и Живоноснаго Источника, совершался молебенъ преподобному.

Закончился же молебенъ уже въ Успенскомъ соборѣ молитвою Угоднику, выслушанною колѣнопреклоненно.

Далѣе... многолѣтія... Между прочимъ подробность... Государю многолѣтствовали, какъ „вѣры Христовой покровителю, защитнику..." И какой глубокій смыслъ былъ въ этомъ многолѣтіи послѣ Саровскихъ торжествъ!

Ихъ Величества и Ихъ Высочества прикладывались ко кресту, къ св. мощамъ. Владыка-Митрополитъ всѣхъ Ихъ благословилъ иконами преподобнаго Серафима..... Раздалось могучее „ура..." Это — Государь идетъ среди народа къ Себѣ во дворецъ.

Торжество прославленія Угодника Божія такимъ образомъ закончилось. Всюду общее ликованіе, сердечныя поздравленія и — даже христосованіе...

Сегодня же, въ 2 часа дня (а литургія съ крестнымъ ходомъ закончилась къ 12 час.) обитель Саровская гостепріимно предложила своимъ гостямъ праздничную трапезу. Трапезу удостоили своимъ посѣщеніемъ Ихъ Величества и другія особы Императорской фамиліи. Присутствовали на трапезѣ всѣ лица Государевой свиты. Всѣхъ приглашенныхъ было 300 человѣкъ, очень симпатичнымъ казалось то, что Саровъ и здѣсь себѣ вѣрнымъ оказался... Къ роскошному обѣду не было подано никакого вина (хотя кухмистеръ почему то посуды соотвѣтствующей и понаставилъ). Вмѣсто вина въ сосудахъ изъ бѣлаго желѣза были наставлены на столахъ монастырскіе квасы и меды. Тарелки подъ этими сосудами, вазы для фруктовъ, перечницы, солонки, — все изъ дерева, мѣстнаго саровскаго приготовленія. Обѣдъ прошелъ прекрасно.

Полагать можно, что обѣдъ обители стоилъ не ма-

лыхъ денегъ. „Ничего, батюшка, угодничекъ пошлетъ обители“,—такъ говорилъ мнѣ предъ обѣдомъ о. игуменъ... Кончается обѣдъ и всѣ узнаютъ, что Государь изволилъ пожаловать на нужды обители 20.000 руб. Да, крѣпко надѣются на Бога и Его Угодника Саровцы... И не посрамляются! Жертвы льются въ обитель цѣлымъ потокомъ... Евангелія, сосуды, лампады... Помогаетъ св. Угодникъ своей обители.

Возвращусь немного назадъ... Не хотѣлось бы объ этомъ умолчать... Вчера Государь съ Великими Князьями ходилъ пѣшкомъ на источникъ преподобнаго Серафима. Здѣсь Онъ помолился, выпилъ воды изъ источника, разспрашивалъ объ источникѣ, заходилъ въ купальню. Государыни и великія княгини ѣздили въ экипажахъ. Отъ источника Государь пѣшкомъ же прошелъ въ дальнюю пустыньку. Пѣшкомъ они возвратились въ монастырь. Это пѣшее паломничество Государя произвело не на простой только народъ сильное впечатлѣніе... А и совершалось оно на глазахъ всего народа: на всемъ протяженіи стояли мужички и бабы... Ихъ „ура“ не смолкало нѣсколько часовъ... Доносилось оно ясно и въ обитель даже. Тронуло всѣхъ и то довѣріе, которое проявлено было Государемъ къ народу!.. Вѣдь согласись, что тѣ казаки, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стояли, не представляли, да и не могли представить изъ себя никакой охраны... Господь, Угодникъ Божій, да любовь народная къ Своему Царю-Батюшкѣ,—вотъ неизмѣнные стражи Государя въ Саровѣ... Народъ со слезами, безъ малѣйшаго преувеличенія, разсказываетъ, какъ „Онъ, родимый, совсѣмъ мимо меня прошелъ. Да такой привѣтливый!..“ Впрочемъ,—фотографія работала на славу, и мнѣ кажется, она отпечатаетъ много такихъ моментовъ, отъ которыхъ и не въ Саровѣ на глазахъ появятся слезы.

Завтра утромъ Ихъ Величества отбываютъ изъ Сарова... Какъ то грустно становится... Впрочемъ... первый день саровской пасхи прошелъ!.. Начинается пасхальная недѣля... А она всегда скучнѣе перваго дня...

Сейчасъ отрывался отъ письма съ нарочитою цѣлью, — пройтись среди народа, наполнившаго монастырь (о выходѣ изъ монастыря не можетъ быть и рѣчи. Толпа тысячъ въ 50 ждетъ входа въ монастырь. Сдерживаютъ ея напоръ и нѣсколько ослабляютъ натискъ казаки. Выйти изъ монастыря еще кое-какъ можно. Но возвратиться въ монастырь, — слишкомъ трудно...). Впущенные въ монастырь выстроены въ ряды отъ святыхъ воротъ до Успенскаго собора... Всѣхъ рядовъ — четыре; въ каждомъ ряду по 300 паръ, и даже побольше. Впускаютъ въ соборъ человѣкъ по 100. Остальные весьма терпѣливо ждутъ своей очереди. Вдоль толпы иногда проходитъ В. К. С—ъ и раздаетъ народу книжки и листки...

Постоянно несутъ разслабленныхъ, параличныхъ... Человѣкъ 10—15 справляются едва съ бѣсноватыми... И какъ обильно всюду проявляется сила Божія! Сейчасъ, говоритъ народъ, безногая стала ходить... Бѣсноватый тихо стоитъ въ углу и все время шепчетъ „отче Серафиме...“ Какой-то офицеръ здѣсь же допрашиваетъ этихъ и другихъ исцѣленныхъ... Да,—много среди этой многотысячной толпы и радости сейчасъ, но есть много и горя... Вотъ сценка у с.-в. угла собора... Толпа окружила исцѣленную... Всѣ молятся, радуются, радуются не менѣе

исцѣленной... И здѣсь же сидитъ на могильной плитѣ старуха съ юношей лѣтъ 20 слѣпымъ... Старуха горько плачетъ, ропщетъ на свою судьбу... „Думала хоть здѣсь найти помощь... Нѣтъ, не видитъ и сейчасъ мой ничего...“ А юноша все время стоя на колѣняхъ на той же могильной плитѣ, безъ остановки кладетъ свои поклоны по направленію къ собору... Старался я разъяснить старухѣ, что съ ропотомъ не получишь просимаго... Не знаю поняла ли она меня.

Пишу... А мысли разсѣеваются... Въ полураскрытое окно опять несется „ура“. Государь изъ своихъ покоевъ прошелъ въ покои Царицы-Матери... Всѣ машутъ шапками, платками... И проходить то приходится чрезъ самое боевое мѣсто: между покоями Успенскій соборъ съ постоянною толпою народа.

Завтра утромъ напутственный молебенъ Государю. Я нигдѣ завтра не служу. Воспользуюсь случаемъ и схожу еще на источникъ. Въ понедѣльникъ 21 владыка-митрополитъ освящаетъ церковь во имя преподобнаго Серафима, сооруженную въ южномъ корпусѣ монастыря. Келья преподобнаго вошла въ соборъ новый. 22-го Владыка нашъ служитъ здѣсь же и затѣмъ уѣзжаетъ... Закончимъ тогда же и мы дѣло, для котораго пріѣхали. Если Господь благословитъ, выѣду обратно 22-го же, или въ крайнемъ случаѣ 23-го. О днѣ пріѣзда извѣщу. Впрочемъ завтра позволю написать еще одно, и вѣроятно послѣднее отсюда письмо. Горячо я сегодня молился за всѣхъ васъ. Мой братскій привѣтъ о. П., поклонъ молодежи.

1903. Іюля 20.
Саровъ.

Дорогой мой В....й А....ъ!

Сегодня утромъ, часовъ въ $8^1/_2$ отбыли изъ Сарова Ихъ Величества и великіе князья и княгини. Предъ отъѣздомъ они изволили принять отъ духовенства напутственный молебенъ. Совершали молебенъ нашъ владыка и высокопреосвященный архіепископъ Казанскій. Нижегородскій Владыка уже въ Дивѣевѣ, а преосвященный Иннокентій привѣтствуетъ прощальнымъ привѣтомъ Государя въ народномъ городкѣ). На молебенъ вышли 10 архимандритовъ и около того же числа бѣлаго духовенства. Напутственный молебенъ соединялся съ молебномъ преподобному Серафиму.

По окончаніи молебна мы отправились провожать Государя до воротъ... Но въ церкви произошла маленькая задержка... Одинъ монахъ удостоился поцѣловать руку Государыни... Естественно каждому тогда сказать: „почему же не я?..“ И всѣ набросились цѣловать руки Царицамъ... И духовенство въ этомъ принимало дѣятельное участіе... Впрочемъ, къ великому сожалѣнію многихъ, пришлось все-таки многимъ отказаться отъ великаго счастья...

Процессія направилась къ воротамъ монастыря.. По сторонамъ стоитъ народъ... Настоящій народъ, съ палочками въ рукахъ, съ котомочками за плечами. Народъ усталый, загорѣлый... Онъ ожидаетъ впуска въ соборъ къ мощамъ... А тутъ снова счастье видѣть Царя... Не знаю, долетали ли до Царя эти сердечныя пожеланія мужичка: „прощай батюшка“, „счастливаго

пути, батюшка"... И какъ эти пожеланія опять трогательны и въ своемъ содержаніи и въ своей поразительной простотѣ...

Выйдя за ворота, Владыка осѣнилъ Царя крестомъ. еще и еще поблагодарилъ Его Величество за посѣщеніе св. обители... Подъ звонъ колоколовъ, при пѣніи „многая лѣта", при крикахъ „ура" Ихъ Величества покинули св. Обитель.

Государь направился въ Арзамасъ, но по пути туда Его Величество заѣзжалъ въ народный городокъ и въ Дивѣевскій монастырь. Въ народномъ городкѣ Царю представлены были между прочимъ представители Мордвы... Тамъ же экипажи Царицъ, говорятъ, были буквально закиданы полотенцами, холстомъ и пр.

Пока кончаю... Я выѣду, вѣроятно, 23-го; часа въ 3 ночи... Въ 11 ч, дня я долженъ выѣхать изъ Арзамаса въ Нижній, куда пріѣду около 5 ч. веч. Вечеромъ на Самолетскомъ пароходѣ на Рыбинскъ, куда долженъ прибыть 25-го въ пятницу, около 4 час. веч. Въ Валдай въ такомъ случаѣ—26, въ субботу.

Кончаю письмо, а м. б. и письма. Испортилось и перо, вѣрой-правдой мнѣ все время служившее. Всѣмъ нашимъ поклонъ. Скоро теперь и увидимся.

1903. іюля 22.
Саровъ.

Дорогой мой В....й А...ъ!

Все окончено... Почти всѣ разъѣхались... А я сижу до 2 час. ночи... Надѣюсь, что письмо получишь раньше

моего пріѣзда и потому сажусь писать свое тебѣ послѣднее сказаніе.

20-го числа днемъ наша компанія снова отправилась на источникъ. День на этотъ разъ былъ очень жаркій... Да и мы пріустали за время торжествъ... Плелись мы туда лѣсомъ, не спѣша... По сторонамъ тоже, что и въ началѣ торжествъ. Тѣ же постоянныя толпы народа. Тѣже причитанія нищихъ... Лишь только Саровка измѣнилась и измѣнилась ужасно... Постоянная пыль, стоявшая надъ ней отъ непрестанной ходьбы, покрыла ее какимъ то грязнымъ толстымъ слоемъ въ родѣ грязной густой пѣны... Скоро ли она, бѣдная, приметъ свой обычный видъ...

На источникѣ мы выкупались... На этотъ разъ я не остался одинокимъ... Со мною выкупались и старцы наши... На обратномъ пути отъ источника мы были сильно поражены одною подробностью... Помнишь,—я тебѣ писалъ про огородикъ Преподобнаго съ 3 грядками... Такъ не стало теперь грядокъ!.. Есть только огороженное мѣсто и крестъ въ немъ... А самыя грядки унесены въ карманахъ и въ платкахъ благочестивыхъ поклонниковъ.. Удивительно въ самомъ дѣлѣ!.. Сдѣлана совершенно гладкая площадка... Можешь отсюда судить и о силѣ вѣры богомольцевъ... Отчасти, и о количествѣ ихъ...

Уже значительно уставшими возвратились мы отъ источника.. А вечеромъ получили назначеніе служить всенощное бдѣніе въ имѣвшемъ освятиться храмѣ.. Храмъ великій и величественный.. Но пока еще не отдѣланъ. Иконостасъ хорошій, но временный... Заказанъ же въ 50.000 бронзовый.. Стѣны пока только прокра-

шены клеевой краской... Церковь спѣшно заканчивали къ торжествамъ, предполагаю, что искусственно сушили... Поэтому въ ней и до службы мы себя чувствовали такъ же, какъ въ натопленной банѣ... А что было за службой!.. Всенощное совершалъ Преосвященный Иннокентій.. Народу было много... Въ 11 часу (съ 6) мы получили возможность направиться къ своимъ кельямъ... Какъ я отстоялъ эту службу, — и не знаю!.. Помню только, что съ великимъ трудомъ и даже хромая я шелъ по улицѣ...

21-го числа совершилось освященіе новоотстроеннаго храма.. Предполагалось его освящать во имя Живоначальной Троицы, а освятили теперь въ честь преподобнаго Серафима. Чинъ освященія и литургію совершалъ Владыка-Митрополитъ. Подъ престолъ положена часть мощей преподобнаго Серафима (за которою въ свое время мы ходили въ Успенскій соборъ, гдѣ она была зараньше приготовлена).

Очень меня порадовало совпаденіе: въ прошломъ году 21-го іюля я совершалъ освященіе нашей дачной церкви... А нынче въ это число пришлось тоже участвовать въ освященіи... Да еще въ Саровѣ!.. Молился я о томъ, чтобы Господь, молитвами Угодника Серафима, сохранилъ нашу дачную церковь на вѣки нерушимою...

Послѣ освященія храма Обитель снова предложила радушную трапезу своимъ гостямъ... На этотъ разъ, кромѣ массы духовенства были на обѣдѣ и тѣ офицерскіе чины, которые по обязанностямъ службы не могли быть на трапезѣ 19.

За обѣдомъ, разумѣется, велись оживленные разговоры... „А что, о. Игуменъ, вы сдѣлали бы всей этой

компаніи въ обычное время“ (въ Саровѣ за обѣдомъ — ни слова)?..—Всѣхъ поставилъ бы на поклонъ, къ четкамъ... И это было бы только по саровски, но нисколько не сурово.... Чудная Обитель...

21-го же числа былъ совершенъ молебенъ для хоругвеносцевъ... На молебнѣ, на св. мощахъ были освящены иконы Преподобнаго, привезенныя ими изъ разныхъ концевъ Россіи... И понесутъ эти св. иконы духовную радость и утѣшеніе по градамъ и весямъ русскимъ.

22-го числа обѣдню отслужилъ Владыка-Митрополитъ... Въ этотъ же день онъ и уѣхалъ, ровно въ 12 час. дня, изъ Саровской Обители. Преосвященный Иннокентій и Высокопреосвященный Димитрій далеко за Обитель (верстъ 9) провожали владыку...

Сразу осиротѣли мы... И не знаю почему, но почувствовалось, что и намъ нужно уѣзжать, вотъ сейчасъ даже нужно уѣзжать... Но поѣзда въ Арзамасѣ подходящаго для насъ не было.. И мы рѣшили выѣхать завтра, часа въ 2 ночи.

Я страшно сталъ почему-то сейчасъ скучать... Уже три раза ходилъ на почтовый дворъ удостовѣряться,— дѣйствительно ли намъ будутъ лошади... Не ручаюсь, что не пойду и еще...

А тутъ укладываютъ свои пожитки наши... Отправляются и пѣвчіе... Какъ ни чуденъ Саровъ, но и намъ пора его покинуть...

Ходилъ еще поклониться св. мощамъ... Ходилъ проститься съ Преосвященнымъ Иннокентіемъ, которому мы обязаны многимъ вообще, а въ частности и необыкновеннымъ гостепріимствомъ... Получилъ отъ него пять иконокъ Преподобнаго, писанныхъ на доскѣ отъ

его сѣней... Простился съ добрымъ, чуднымъ старцемъ, Игуменомъ о. Іероѳеемъ... Отъ него получилъ въ благословеніе иконку.

Еще нѣсколько часовъ и мы уѣзжаемъ.. Поклонъ тебѣ, великій Угодникъ Божій... Какъ я хотѣлъ бы снова быть у твоего гроба.. Поклонъ тебѣ, чудный Саровъ, съ твоею жизнію, съ твоими порядками.. Поклонъ тебѣ, Саровская земля, такъ обильно насыщенная Божіей... благодатью...

8 час. вечера...

